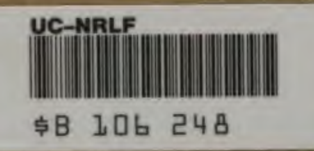
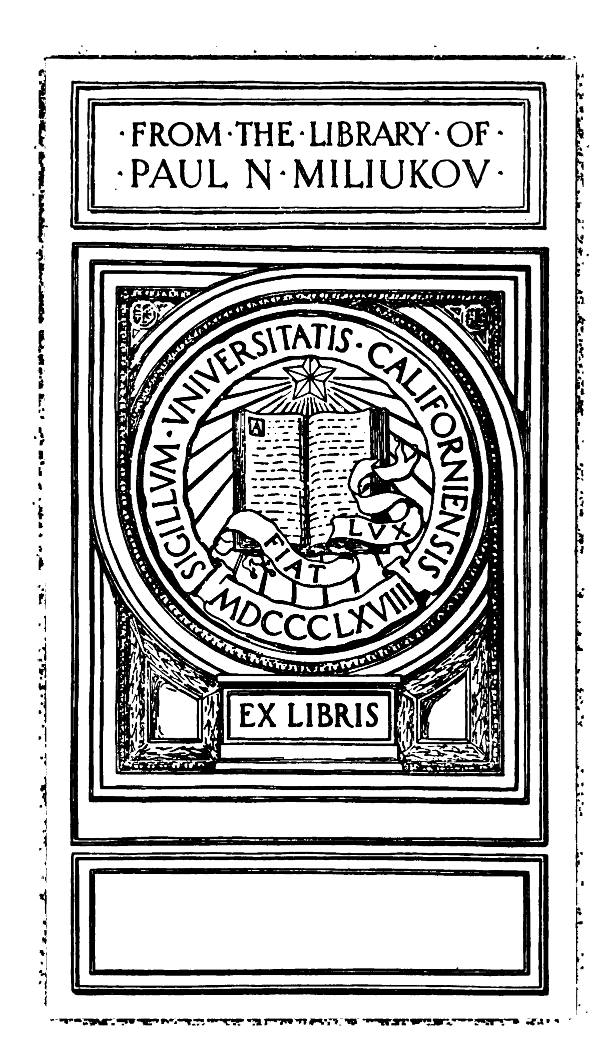

UC-NRLF
$B 106 248

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·
SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

МАТЕРІАЛЫ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ПЕРМСКАГО КРАЯ.

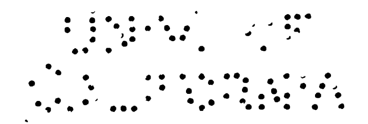
ПОСТРОЙКА

КИЗЕЛОВСКАГО ЗАВОДА

И. Л. ЛАЗАРЕВА.

Н. Н. НОВОКРЕЩЕННЫХЪ.

УФА.
Типо-Литографія Н. А. Безбородовой.
1892.

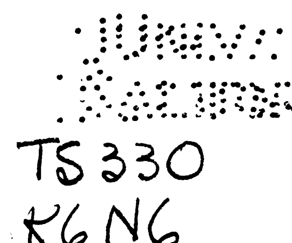
МАТЕРІАЛЫ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ПЕРМСКАГО КРАЯ.

ПОСТРОЙКА КИЗЕЛОВСКАГО ЗАВОДА И. Л. ЛАЗАРЕВА.

Н. Н. НОВОКРЕЩЕННЫХЪ.

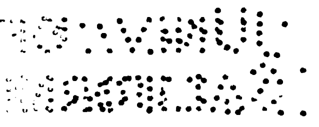
УФА.
Типо-Литографія Н. А. Безбородовой.
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 28 февраля 1892 г.

I.

Въ концѣ XVII столѣтія всѣ владѣнія и вотчины рода Строгоновыхъ сгруппировались въ одно общее владѣніе, принадлежащее имянитому человѣку Григорію Дмитріевичу Строгонову. Послѣ смерти его въ 1715 году, наслѣдниками его имѣнія остались три сына: Александръ, Николай и Сергій. До 1747 г. имѣніе оставалось нераздѣльнымъ и первый раздѣлъ былъ въ этомъ году. Строгоновы были уже баронами, каковой титулъ получили въ 1722 году. Всѣ вотчины и заводы были раздѣлены между братьями поровну, за исключеніемъ 10530 душъ крестьянъ съ землями, пашнями и пустолежащими землями, оставшихся въ общемъ владѣніи. Къ этому же разряду общаго владѣнія отнесены были и земли, состоящія въ спорѣ съ казной, но затѣмъ при утвержденіи этого раздѣла въ 1751 году, Строгоновы заявили Сенату, что оставшееся нераздѣленнымъ имѣніе, они желаютъ также раздѣлить и чтобы раздѣлъ этотъ былъ обязателенъ и для ихъ наслѣдниковъ. Въ первую же за симъ слѣдующую ревизію, т. е. въ 1761 году, каждый изъ наслѣдниковъ записалъ причитающуюся ему часть нераздѣльныхъ крестьянъ на свое имя, а пустолежащія и спорныя земли опять оставить въ общемъ владѣніи. Имѣніе Александра Григорьевича Строгонова перешло изъ $^{21}/_{63}$ частей общаго владѣнія Строгоновыхъ причитающихся на его долю, въ размѣрѣ $^{9}/_{63}$ дочери его Аннѣ Александровнѣ, по первому мужу Графинѣ Чернышевой (Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ), а по второму княгинѣ Голициной (Михаилъ Михайловичъ Голицинъ). Еще $^{9}/_{63}$ получила вторая его дочь Варвара Александровна княгиня Шаховская, отъ коей вся ея часть перешла къ внучкѣ ея

графинѣ Шуваловой, и составляетъ въ настоящее время уже раздѣленное имѣніе графовъ Шуваловыхъ. Затѣмъ $^{3}/_{63}$ части получила жена его баронесса Марія Артемьевна Строгонова и впослѣдствіи свою часть продала дворянину Лазареву.

Часть Николая Григорьевича раздѣлилась по ровну между его сыновьями Григоріемъ, Сергіемъ и Александромъ Николаевичами Строгоновыми. За смертію бездѣтнаго Григорія Николаевича его имѣніе перешло въ равной части брату его Александру Николаевичу и племяннику (сыну Сергія) Александру Сергіевичу, которые всю эту часть продали Лязареву, такъ что съ частью баронессы Марьи Артемьевны ему перешло отъ Строгоновыхъ покупкой $^{10}/_{63}$ общаго имѣнія. Часть Сергія Николаевича, т. е. $^{7}/_{63}$ общаго владѣнія Строгоновыхъ продана была Всеволожскому. Часть же Александра Николаевича осталась въ родѣ Строгоновыхъ и въ послѣднее время слилась съ частью сына Григорія Дмитріевича Сергія Григорьевича, сынъ котораго Александръ Сергіевичъ получилъ въ 1761 году графскій титулъ. Въ настоящее время имѣніе Строгоновыхъ состоитъ во владѣніи:

$^{28}/_{63}$ Графа С. А. Строгонова.
$^{10}/_{63}$ Княгини Е. Х. Абамеликъ-Лазаревой.
$^{9}/_{63}$ Князя С. М. Голицина.
$^{9}/_{63}$ Графовъ Шуваловыхъ.
$^{7}/_{63}$ Наслѣдникамъ и преемникамъ Всеволожскихъ.

До сихъ поръ имѣніе рода Строгоновыхъ не есть цѣлое положительное владѣніе, такъ какъ до сихъ поръ не рѣшены споры съ казной о правѣ владѣнія многими дачами. Грамоты на владѣніе давались безъ точнаго опредѣленія границъ и часто границы владѣній опредѣлялись рѣкой или водораздѣломъ. Послѣднее опредѣленіе уже прямо приблизительное, а по первому возникали споры въ такомъ напр. случаѣ когда граничащая рѣка или рѣчка въ верховьѣ раздѣляется на двѣ или болѣе рѣчекъ, называемыхъ большая, малая, сѣверная, полдне-

вая, восточная и т. д. и тогда если вершины этихъ рѣчекъ расходятся на десятокъ верстъ, а при такомъ напримѣръ опредѣленіи, что „граница идетъ съ вершины рѣчки Шумихи въ сторону по прямой линіи между полуднемъ и западомъ“ и при длинѣ этой линіи тоже въ десятокъ верстъ получится разница въ 50,000 десятинъ земли—ну и начинается толкованіе и споръ о владѣніи. При первомъ раздѣлѣ имѣнія, бароны Строгоновы старались возможно точно опредѣлить границы владѣній каждаго изъ братьевъ, но раздѣлъ на бумагѣ не есть еще точность, да наконецъ даже и нынѣшнее межеваніе далеко и далеко неточно. При тогдашнихъ же съемочныхъ инструментахъ и средствахъ, и при громадности площадей о правильномъ и точномъ размежеваніи нечего было и думать, а эта неточность понятно повела къ спорамъ и прежде всего съ казной, а споры эти выяснили насколько энергично Строгоновы стремились къ захватамъ, прикрываясь жалованными грамотами.

Строгоновы получили на владѣніе землями слѣдующія грамоты:

1558 г. Григорію и Якову Аникіевичамъ	3.377.921	десят.
1568 г. имъ-же	4.086.947	—
1615 г. Никитѣ Григорьевичу . .	163.280	—
1597 г. Андрею и Петру Семеновичамъ	584.736	—
1685 и 1692 г. Григорію Дмитріевичу	604.212	—
1694 г. ему же	254.743	—
1701 г. ему же	4166	—
А всего .	9.076.005	десят.

Изъ этихъ земель вслѣдствіе споровъ поступило обратно въ казну, а отъ нее и другимъ лицамъ 3.294.268 десятинъ, т. е. больше трети всего имѣнія, какъ неправильно захваченнаго.

По грамотѣ 1568 г. отдана была Чусовая съ притоками съ тѣмъ, чтобы Строгоновы охраняли эти мѣста отъ набѣговъ татаръ и держали караулы, но этого не дѣлалось

и при постройкѣ Екатеринбурга де-Генинъ охранялъ какъ эти мѣста такъ и около вновь строющихся заводовъ средствами правительства. Когда же дѣло постройки заводовъ закипѣло и когда выдвинулся на сцену Н. Д. Демидовъ, то Строгоновы, не возражая противъ заселеній де-Генина, ополчились на Демидова и предъявили искъ. Де-Генинъ еще въ 1723 г. представлялъ правительству, что башкирцы считаютъ земли на р. Полевой и урочищѣ Гумешкахъ своею, но что верховья де Чусовой по грамотѣ 1568 г. принадлежатъ Строгонову, что и дало Строгоновымъ поводъ дѣлать ссылку на это заявленіе правительственнаго лица и доказывать, что эти исконныя вотчины охранялись Строгоновыми и ихъ охраной взяты въ свое время подъ державную руку Царя. При постройкѣ Демидовымъ Уткинскаго и Шайтанскаго заводовъ споръ этотъ зашелъ на столько далеко, что и противная сторона не дремала. Вмѣсто дикихъ мѣстъ башкирскихъ и вогульскихъ, которыя охраняли Строгоновы, оказалось нѣчто другое. На сцену явилась „данная 15 мая 7164 года“ верхотурскаго уѣзда новой Чусовской слободы крестьянамъ Афонькѣ Гилеву и Фролкѣ Арапову изъ Верхотурской приказной палаты которымъ наказною памятью велѣно на пустое мѣсто вверхъ по той Чусовой рѣкѣ на прямой Сибирской дорогѣ строить новую Чусовскую слободку на льготные годы на восемь лѣтъ изъ денежнаго оброка, на которую Чусовую и усть Сулемскую слободы имъ же Афонькѣ и Фролкѣ 20 іюня 7189 года и повелѣнная дана, въ которой между прочимъ писано, что Уткинскимъ крестьянамъ по указу Великаго Государя отведено земли отъ устья Тарги рѣчки вверхъ по Чусовой рѣкѣ до р. Черемшанки по обѣ стороны р. Чусовой по пяти верстъ и упоминаемая повелѣнная вновь потверждена наказною памятью въ 7206 году 6 іюня и новою данною 18 января 1703 года. Обратились къ мѣсту-оказался живымъ Осейко Гилевъ, жившій въ Уткинской деревнѣ Сулемской слободы, который и показалъ, что отецъ его Афа-

насій Гилевъ поселился тутъ по указу Верхотурской приказной палаты и предъявилъ подлинный указъ изъ коего видно было, что отводъ этому Афонькѣ Гилеву данъ отъ Утки Большой до деревни Утки средней по обѣ стороны р. Чусовой. На устьѣ р. Утки Большой въ мысу въ верхнюю сторону была межа Строгоновыхъ, стояла„ сосна, на которой въ нижнюю сторону назначенъ былъ вызженный орелъ двоеглавый и по той межѣ та рѣчка Большая Утка называется межевая“.

Кончилось все это тѣмъ, что графъ Александръ Сергіевичъ Строгоновъ отказался въ 1790 году за себя, наслѣдниковъ и преемниковъ отъ правъ на рѣку Чусовую и ея притоковъ съ землями, оставаясь фактическимъ владѣльцемъ лишь нижней части р. Чусовой и отчасти р. Сылвы, а въ верхней Билимбаевскаго завода. Этимъ отказомъ казна пріобрѣла обратно изъ грамоты 1568 года 2.359.000 десятинъ земли. Замѣчательно, что участвующіе въ этомъ спорѣ башкирцы также заявляли свои права на эти земли, доказывая что они имѣли свои городки и охрану земли, что де это хорошо было извѣстно и Татищеву, при построеніи Екатеринбурга.

Еще позволю себѣ обратить вниманіе на замѣчательную просьбу Александра Григорьевича Строгонова, поданную Императору Петру I 6 сентября 1719 г. въ коей онъ проситъ Государя выгнать „воровъ, Уфимскихъ башкирцевъ, за объявленнымъ многимъ ихъ воровствомъ и измѣнами“ изъ его Строгонова вотчинъ у каменныхъ горъ (Уральскихъ) отъ города Чердыни и къ морю Хвалынскому (Каспійскому), чтобы ему Строгонову спокойно было владѣть его жалованными вотчинами.

II.

Въ послѣднихъ грамотахъ данныхъ Строгоновымъ оговорена добыча и разработка рудъ, плавка металловъ, но до XVIII столѣтія на это не обращали вниманія и лишь съ

постройкой казенныхъ заводовъ, а за тѣмъ необычайная энергія Демидова показали Строгоновымъ что и горнозаводское дѣло не безвыгодно и лишь съ 1726 года начались поиски рудъ въ вотчинахъ Строгоновыхъ. Такъ какъ въ это время существовало нѣсколько рудниковъ для Пыскорскаго казеннаго завода, то поиски и были направлены въ сторону уже открытыхъ ранѣе рудниковъ (Кушгорскій первый рудникъ (смотр. словарь Чупина), Селищенскій, Бекурскій, Ростесскій и др.) Съ 1726 г. и по 1763 годъ было открыто 67 рудниковъ, которые и были записаны въ общее владѣніе Строгоновыхъ. Съ открытіемъ рудниковъ началась и постройка заводовъ. Указомъ Государственной Бергъ-Коллегіи 23 марта 1754 г. и указомъ главнаго заводовъ правленія 20 ноября 1755 года была разрѣшена постройка Пожвинскаго завода барону Н. Г. Строгонову, въ коемъ и предполагалось плавить открытыя руды. Заводъ строился для выплавки мѣди, но во время постройки завода были найдены и желѣзныя руды, оказавшіеся плохими. Въ 1755 г. прикащики Строгонова Андрей и Ѳедоръ Кузнецовы заявили объ открытіи желѣзнаго рудника въ вотчинахъ Строгоновыхъ по р. Косьвѣ, на правой сторонѣ въ Губахинской горѣ, подъ верхомъ горы въ березнякѣ. Потомъ были открыты рудники по р. Талицѣ, по р. Чикману, гдѣ руда будто бы залегала пластомъ въ $2^1/_2$ аршина толщиной, по р. Косьвѣ на лѣвой сторонѣ противъ открытаго раньше рудника, по рр. Вильвѣ и Мутной въ 10 верстахъ отъ д. Кижа (нынѣ Кыжья). Всѣ эти рудники были приписаны прямо къ Пожвинскому заводу. Выплавка мѣди вскорѣ была оставлена и съ 1763 года началась выдѣлка желѣза.

Баронъ Николай Григорьевичъ, какъ выше сказано, имѣлъ трехъ сыновей и каждому въ наслѣдство желалъ оставить по два завода. Для младшихъ заводы, такъ сказать, были уже готовы, а именно Александру Николаевичу были даны Таманскій мѣдный и Кыновской желѣзодѣлательный, Сергію

Николаевичу Пожевской мѣдиплавильный и желѣзодѣлательный, а старшему Григорію Николаевичу предназначался къ постройкѣ Чермозскій мѣдиплавиленный, но послѣднему для уравненія недоставало желѣзодѣлательнаго завода, постройка каковаго могла быть разрѣшена только при открытіи такого запаса рудъ, который бы гарантировалъ существованіе завода на много лѣтъ, а всѣ имѣющіеся на лицо желѣзные рудники не отличались особой благонадежностью и едва обезпечивали безостановочное дѣйствіе Пожевскаго завода. При полномъ отсутствіи научныхъ данныхъ объ изслѣдуемой мѣстности пришлось обратить вниманіе для поиска желѣзныхъ рудъ на тотъ районъ, гдѣ уже сдѣланы были заявки, какъ напр. на Косьвѣ, по Вильвѣ. Населенія здѣсь почти не существовало и на милліоны десятинъ едва было нѣсколько селеній, изъ коихъ можно указать на села Яйвенское и Булатовское, деревни Петракову, Подслудную, Большую и Малую Вильвы и Кыжью (Кижъ). Вверхъ же по Косьвѣ существовали д. Ростесъ и Верхъ—Косьва на Верхотурскомъ трактѣ или Бабиновской дорогѣ. Съ постройкой Перми и съ уничтоженіемъ таможни въ Соликамскѣ, трактъ этотъ потерялъ всякое значеніе и теперь служитъ лишь какъ кратчайшій на Каму путь изъ Верхотурья для богомольцевъ и бѣглыхъ каторжныхъ, а зимой также для проѣзда Чердынцевъ и Соликамцевъ въ Ирбить, кто не ѣдетъ по желѣзной дорогѣ.

Развѣдочныя партіи направлены были на горы около рѣчекъ, составляющихъ Кизелъ и по осмотру здѣсь были найдены руды въ руслѣ Почайскаго ключа, а по развѣдкамъ и въ горѣ выше этого ключа, выходящаго подъ горой и тутъ же впавшаго въ р. Полуденный Кизелъ, а этотъ послѣдній въ полуверстѣ отъ ключа впалъ въ Большой Кизелъ. Поданнымъ заявленіемъ отъ прикащика барона Н. Г. Строгонова Григорья Дьяконова 19 сентября 1762 г. объявленъ первый Кизеловскій рудникъ, а затѣмъ, по изслѣдованіи мѣстности прикащики того же барона Строго-

нова Николай Суворовъ и Андрей Митянинъ снова заявили 19 февраля 1763 г. еще три рудника рядомъ съ заявкой Дьяконова и наконецъ въ 1775 году былъ еще заявленъ отводъ около самаго устья Полдневаго Кизела, которые въ общемъ составляли одно цѣлое мѣсторожденіе желѣзныхъ рудъ. Всѣ эти рудники были утверждены за барономъ Николаемъ Григорьевичемъ, а заявленный въ 1775 г.—за барономъ Григорьемъ Николаевичемъ Строгоновыми. Впослѣдствіи это мѣсторожденіе оказалось на столько громаднымъ, что дало сотни полторы миліоновъ пудъ руды и едва разработано до 30 саженной глубины.

III.

По заявкѣ рудниковъ и по полученіи на нихъ отводовъ, довѣренные Строгонова подали просьбу, о дозволеніи имъ искать удобныя мѣста для постройки завода. Въ то время каждый шагъ, каждое мѣропріятіе дѣлалось по формѣ, по закону, а законъ налагалъ такія обязанности, неисполненіе которыхъ влекло ужасную кару. Указъ былъ выданъ 14 марта 1763 года и изъ него ясно видно то положеніе заводчиковъ, какое создавалось по заявкѣ рудъ. Вотъ его содержаніе:

„Сего 1763 г. февраля 19 дня присланнымъ въ оную главнаго заводовъ правленія канцелярію, Г. Тайнаго Совѣтника и кавалера барона Николая Строгонова Пермскихъ орловской вотчины соляныхъ промысловъ и заводовъ отъ прикащиковъ Николая Суворова и Андрея Митянина доношеніемъ прошено: дабы повелѣно было о пріисканіи Пермской провинціи въ Соликамскомъ уѣздѣ (Губернія была Казанская, дѣлившаяся на провинціи, а послѣднія на уѣзды) въ Яйвенскомъ и Вильвенскомъ оного г. барона урочищахъ желѣзныхъ и мѣдныхъ рудниковъ и каменья и къ заведенію заводскому удобныхъ рѣчекъ и прочихъ принадлежностей для распространенія и умноженія Государственной и всенародной пользы и интересной прибыли по усердію

предписаннаго г. барона имъ, прикащикамъ и посланнымъ отъ нихъ людямъ позволеніе и чтобъ другіе въ томъ прісканіи въ захватъ и пресеченіе никакого препятствія неимѣли и помѣшательства не чинили, о томъ дать имъ прикащикамъ съ прочетомъ указъ, а по имяннымъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго 1719 г. Бергъ-привиллегіи и блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны 1739 г. регламента первыми, вторыми, третьими, четвертыми, пятыми, шестыми и седьмыми пунктами повелѣно и каждому дана воля на собственныхъ и чужихъ земляхъ руды искать и по объявленію и отводу отъ Бергъ-коллегіи, учрежденныхъ мѣстъ что обрѣтено будетъ подъ землею, копать, плавить, варить и чистить всякіе металлы и минералы и потребное строеніе строить и въ томъ никому никакого препятствія не чинить. Противъ же того, которые изобрѣтенные руды утаятъ и доносить объ нихъ не будутъ или другимъ въ сысканіи, устроеніи и расширеніе тѣхъ заводовъ запрещать будутъ, объявленъ жестокій гнѣвъ, неблажное тѣлесное наказаніе и смертная казнь и лишеніе всѣхъ имѣній, яко непокорливому и презирателю Высочайшей воли и врагу общенародныя пользы, того ради по Ея Императорскаго Величества указу въ канцеляріи главнаго заводовъ правленія опредѣлено о прісканіи въ написанныхъ въ доношеніи Яйвенскихъ и Вильвенскихъ урочищахъ желѣзныхъ и мѣдныхъ рудниковъ, каменьевъ и къ заведенію заводовъ удобныхъ рѣчекъ и прочихъ принадлежностей по прошенію вышепоказанныхъ прикащиковъ Суворова и Митянина на основаніи горныхъ правъ указъ съ прочетомъ дать, каковой сей и данъ, у оного указу Ея Императорскаго Величества канцеляріи главнаго заводовъ правленія Печать марта 14 дня 1763 г“.

Петръ I бергъ-привиллегіей желалъ создать и развить горный промыселъ и для этого не жалѣлъ ни покровительства, ни средствъ, равно и Анна Іоанновна, которая въ

этомъ направленіи пошла еще далѣе Петра I и пособія отъ казны оформила актомъ-бергъ-регламентомъ. Полагаю, что на бергъ-регламентъ иначе и смотрѣть нельзя, такъ какъ до изданія его, ссуды составляли личный капризъ, а въ бергъ-регламентѣ ссуда обусловливается закономъ. Въ 16 пунктѣ Бергъ-привиллегіи 10 декабря 1719 г. говорится: „доколѣ оные рудные заводы довольныхъ работниковъ имѣти и по уставамъ, каковые коллегіумъ впредь объявить, содержатись будутъ, имѣютъ оные промышленники рудокопныхъ дѣлъ поданнымъ ихъ привиллегіямъ или жалованнымъ грамотамъ сихъ обнадежены быть, что у нихъ и у наслѣдниковъ оные заводы отняты не будутъ, ниже что малое въ ихъ потребностяхъ и прибыткахъ какое поврежденіе учинится: развѣ сами въ состояніи не будутъ оные содержать". А въ Бергъ-регламентѣ 3 марта 1739 г. въ 3-мъ пунктѣ говорится: „также ежели кто россійскій поданный или иностранный, ктобы онъ ни былъ, найдетъ какую руду, то тому по его прошенію и по осмотру нетокмо дается къ рудокопію позволеніе напредь другихъ, но и сверхъ того ежели по усмотрѣнію надежда къ богатымъ рудамъ, учинено будетъ снабдеваніе заимообразно казенными деньгами". Относительно же мѣстъ и пространства подъ заводы всѣ тогдашнія узаконенія были не точны и неясны, такъ какъ земли почти не имѣли цѣны, не обработывались, лѣсъ не имѣлъ сбыта и при полученіи отводовъ придерживались правила захвата, чѣмъ дѣйствительной нужды и потребности въ лѣсѣ. Впослѣдствіи цѣнность земли и въ особенности въ первые пятнадцать лѣтъ царствованія Екатерины II значительно возвысилась, что видно изъ переписки Екатерины съ Дидро, на вопросъ котораго о цѣнности русскихъ земель, отвѣчала что доходъ хотя и не превосходитъ 6% съ покупкой суммы земель, но что имѣніе приносившее при Петрѣ I четыреста рублей дохода, теперь приноситъ до восьми тысячь рублей. (Русскій архивъ, 1880 г. к. 3). Государственная Бергъ-коллегія обще съ Д. Т. Совѣтни-

комъ Неплюевымъ въ опредѣленіи своемъ 13 марта 1744 г. уже старалась опредѣлить точнѣе пространство земель занимаемыхъ для вновь строющихся заводовъ. Въ этомъ опредѣленіи въ 5 пунктѣ сказано: „понеже до сего порядочнаго отводовъ подъ заводы мѣстъ, лѣсовъ и къ населенію крестьянъ и на то установленія (кромѣ что рудниковъ) небыло, а нынѣ оное требуется и можетъ воспослѣдовано быть и какъ отведено имѣетъ быть въ тѣхъ мѣстахъ оное сокровище и когда будетъ заводчикомъ же или промышленникомъ и его людьми не найдутся или имъ не откроется, а откроетс я иному кому постороннему, того по привиллегіи и бергъ-регламенту надлежитъ допустить и копать и къ тому плавиленный заводъ заводить, токмо не въ той окружности, но гдѣ за способно обрящетъ и не ближе-бъ было отъ плавиленнаго завода до другаго завода на всего пятидесяти верстъ и о томъ заводѣ долженъ напередъ просить и отводу требовать, а безъ указу нигдѣ не отводить и не строить подъ опасеніемъ конфискованія и штрафа“. А между тѣмъ тотъ-же Неплюевъ вмѣстѣ съ Оренбургской комиссіей въ опредѣленіи своемъ 17 октября 1743 г. для постройки мѣднаго завода Твердышеву отвелъ такой кусочекъ земли, каковой едвали кто когда пибудь получалъ въ видѣ пособія отъ казны. Вотъ это опредѣленіе: „Означить окружность къ отданному для размноженія синбирянину Ивану Твердышеву при городѣ Тагбискѣ мѣдному заводу отъ Тагбиска прямо до Оренбурга, а въ стороны отъ того Тагбиска съ одной (стороны?) на вершины, а съ Переволодской на Разсыпную, а другой р. Бѣлою, а отъ Тагбиска-жъ на двѣсти верстъ, а отъ той рѣки Башкиріею на той же дистанціи на пятьдесятъ верстъ въ сторону. Отъ Сакмарскаго городка рѣкою Сакмарою на сто верстъ, а по Яику отъ Оренбурга въ одну сторону до Илека, а другую до Арска, со включеніемъ рѣкъ Сакмары и Бѣлой на предписанныхъ дистанціяхъ, ибо на тѣхъ мѣстахъ, яко ближайшихъ къ Оренбургу другаго завода для скудости въ

лѣсахъ заводить никогда позволить будетъ невозможно, а убытка изъ того не будетъ, ибо и на однихъ заводахъ можно столько же выплавить какъ и во многихъ“.

Здѣсь все какъ слѣдуетъ: и польза государству предусмотрѣна и захватъ намѣченъ и даже далеко похлестче, чѣмъ при послѣднемъ расхищеніи уфимскихъ земель. Проще сказать: Твердышеву отвели 67500 квадратныхъ верстъ или чуть не семь миліоновъ десятинъ! Однако правительство во время взглянуло на такое рѣшеніе Неплюева и указомъ 18 декабря 1753 года, надѣлило Твердышева площадью вмѣсто 250 в. длины—-всего пятью верстами и соотвѣтственной шириной, а такіе, дескать, отводы, какой сдѣлала Оренбургская комиссія и Неплюевъ „на такомъ немаломъ разстояніи заводчикамъ отводить весьма признается за неспособность для того, что тѣ заводчики въ такой немалой окружности раченія въ береженіи того лѣсу никакого имѣть не будутъ, а наиболѣе для того, чтобъ въ такой большой окружности другихъ къ произведенію заводовъ охотниковъ къ построенію заводовъ по величинѣ отведеннаго имъ мѣста не будутъ допускать. Прошло полтораста лѣтъ и теперь только правительство наше убѣдилось, что предположеніе это было правильно, почему и разработываются правила о пользованіи нѣдрами земли на болѣе раціональныхъ основаніяхъ, чѣмъ это было до сихъ поръ. Тѣмъ же указомъ 1753 года опредѣлены размѣры площадей для вновь строющихся заводовъ, а именно, чтобы разстояніе между заводами не было ближе 50 верстъ и въ крайнемъ случаѣ, когда пріищется удобное къ постройкѣ мѣсто, при неимѣніи другихъ и на 25 верстъ“; для домны и передѣльнаго завода въ 20 верстъ, а въ ширину смотря по густотѣ лѣса“, т. е. опять таже неопредѣленность и опять бери сколько хочешь. Правда что при этомъ опредѣленъ былъ приростъ лѣса и сѣвооборотъ дровяннаго лѣса принятъ въ 60—80 лѣтъ, но вѣдь едва ли кто сталъ бы показывать лучшія мѣста просимыхъ дачъ, а всегда указалъ бы на болѣе не-

удобныя, гдѣ и въ 80 лѣтъ невыростетъ дерево въ 4 вершка толщиной. Вообще, при всемъ желаніи правительства обставить это дѣло возможно лучше, оно немогло потому, во первыхъ, что трудно было для извѣстнаго закона обобщить всѣ данныя, а, во вторыхъ, правительство неимѣло подъ рукой и точнаго изслѣдованія просимыхъ мѣстностей подъ заводы. Въ Оренбургѣ и тогда уже лѣса были плохи, въ Перми они гнили на корнѣ и напрасно засоряли дачи, —при такихъ условіяхъ общія правила или законъ не имѣлъ мѣста и по этому во всѣхъ тогдашнихъ законахъ, указахъ и циркулярахъ видны недомолвки, какія-то общія мѣста и почти ничего сколько нибудь положительнаго. Съ другой стороны отсутствіе свода законовъ, когда сводъ этотъ замѣняли рѣшенія, разъясненія, указы и циркуляры вызванные извѣстной группой дѣлъ или отдѣльнымъ рѣшеніемъ, наконецъ отсутствіе сколько нибудь общаго суда, такъ какъ всякій судья толковалъ законы по своему и когда при разборѣ дѣла каждымъ почти рѣшеніемъ оставались недовольны обѣ тяжущіеся стороны, само общество создавало себѣ при недомолвкахъ гарантіи правильнаго толкованія для будущаго времени пространными договорами и массой свидѣтелей. Заключался ли договоръ, раздѣлъ или передача имѣнія и въ особенности въ такихъ случаяхъ гдѣ невозможно было всего оговорить или предвидѣть случайностей, то обѣ договаривающіяся стороны приглашали на заключеніе сдѣлки возможно больше свидѣтелей и по возможности такихъ, которые впослѣдствіи по своему служебному рангу или положенію могли имѣть вліяніе на ходъ дѣла, коимъ и выяснялся основной духъ договора, его, такъ сказать, основная мысль. Дорого цѣнились въ то время разныя юсы, которые умѣли разобраться въ массѣ указовъ, циркуляровъ и рѣшеній и найти такое рѣшеніе, которое бы подходило къ данному случаю. Недостатокъ такихъ лицъ и у правительства былъ причиной массы противорѣчивыхъ рѣшеній и опытъ, жизнь выработали свой судъ—судъ совѣстный, судъ третейскій, на ко-

торый и приглашали судьями лицъ бывшихъ свидѣтелями заключенія договора или сдѣлки и которые были знакомы съ основаніями возникшаго спора.

При раздѣлѣ имѣнія барона Григорья Николаевича Строгонова, умершаго бездѣтнымъ, имѣніе пришлось дѣлить между женой покойнаго, братомъ и племянникомъ, т. е. при такихъ данныхъ, что возможно было предполагать впослѣдствіи споры, было приглашено двадцать три свидѣтеля изъ коихъ половина почти сдѣлались впослѣдствіи государственными людьми. При раздѣлѣ этомъ были слѣдующія лица: 1) Ген.-Фельдмаршалъ, сенаторъ, генералъ-адъютантъ князь Александръ Михаиловичъ Голицинъ; 2) Ген.-поручикъ, Лейбъ-гвардіи коннаго полка секундъ-маіоръ Иванъ Михайловичъ Измайловъ; 3) Оберъ Гофмаршалъ-Камергеръ Николай Михайловичъ Голицинъ; 4) Генералъ-Аншефъ-графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ; 5) Дѣйствительный камергеръ Петръ Богданъ-Янъ Пассекъ; 6) Т. С. Дѣйствит. камергеръ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Борятинскій; 7) Камергеръ князь Михаилъ Васильевичъ Долгоруковъ; 8) Камеръ-Юнкеръ Николай Александровичъ Загряской; 9) Флигель-адъютантъ князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицинъ; 10) Камеръ-Юнкеръ Андреянъ Ивановичъ Дивовъ; 11) Камеръ-Юнкеръ и военнаго ордена кав. Александръ Михайловичъ Самойловъ; 12) Камеръ-Юнкеръ Лейбъ-гвардіи коннаго полка ротмистръ Петръ Ѳедоровичъ Квашнинъ-Самаринъ; 13) Контръ-адмиралъ Иванъ Антоновичъ Борисовъ; 14) Генералъ-Лейтенантъ Михаилъ Рябининъ; 15) Оберъ-экипажмейстеръ Андрей Ларіоновъ Тишевской; 16) Адмиралтействъ коллегіи Оберъ-Секратарь Николай Никитинъ Антроповъ; 17) Бригациръ и адмиралтействъ-коллегіи прокуроръ Ѳедоръ Михайловичъ Колокольцевъ; 18) Амиралтействъ-коллегіи и интедантской экспедиціи совѣтникъ Степанъ Васильевъ Жемчужниковъ; 19) Адмиралтействъ-коллегіи комиссаріатской экспедиціи совѣтникъ Леонтій Григорьевъ Тимининъ; 20) Капитанъ-лейтенантъ Степанъ Ивановичъ

Золотиловъ; 21) Морской артиллеріи совѣтникъ Василій Лаврентьевичъ Елагинъ; 23) Бригадиръ флота капитанъ Яковъ Сухотинъ Филиповъ сынъ; 23) Адмиралтействъ коллегіи, комиссаріатской экспедиціи оберъ-штеръ-кригсъ-комиссаръ Иванъ Михайловъ Болотниковъ. (За засвидѣтельствованіе этого документа взято было пошлинъ: втрехъ-деножную пошлину 75 рублей, отъ письма пять руб., отъ записки 20, за страницы 60 коп., накладка рубль и на расходы 41 копѣйка). Раздѣлъ этотъ состоялся 27 сентября 1777 года и по нему жена покойнаго баронесса Александра Борисовна получила все движимое имущество, наличный капиталъ и Арзамасскихъ вотчинъ село Кенишево съ деревнями, а вся часть Пермскаго имѣнія Григорія Николаевича, какъ выше было сказано, досталась брату его Александру Николаевичу и сыну втораго брата, уже умершаго, Александру Сергіевичу которые и продали эту часть въ полномъ составѣ дворянину Ивану Лазаревичу Лазареву по купчей отъ 20 февраля 1778 года. Купчую подписали баронъ А. Н. Строгоновъ, а за малолѣтняго Александра Сергіевича опекуны его Фельдмаршалъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ и баронъ Черкасовъ.

Раньше этого, а именно въ 1773 году часть барона Сергія Николаевича была продана Всеволожскому и такимъ образомъ въ общее имѣніе Строгоновыхъ вошли два преемника правъ чрезъ покупку имѣній, а именно Всеволожскій и Лазаревъ, которые ни какихъ отношеній какъ къ Строгоновымъ, такъ и между собой не имѣли и по этому впередъ можно было предвидѣть, что всякія могущія быть недоразумѣнія не ограничатся семейнымъ соглашеніемъ, а непремѣнно перейдутъ на почву офиціальныхъ тяжбъ и споровъ, что при шаткости какъ договоровъ, такъ даже и правъ на нѣкоторые земельные участки, создало массу споровъ, кляузъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ обогащеніе разныхъ юсовъ и задержку въ развитіи заводскаго дѣла.

Выше было сказано, что Лазаревъ купилъ часть имѣнія

Строгоновыхъ еще и отъ баронессы Марьи Артемьевны Строгоновой, заключающее въ себѣ Хохловскій мѣдиплавиленный заводъ и дачу Полазнинскаго, впослѣдствіи выстроеннаго, завода. До продажи этого имѣнія Лазареву баронесса Марья Артемьевна Строгонова объявила себя несостоятельной въ суммѣ 230000 руб. и прошеніемъ поданнымъ Императрицѣ Екатеринѣ просила долгъ этомъ перевести на зятя ее графа Ивана Григорьевича Чернышева, на что и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе 16 мая 1784 г. и въ слѣдъ за симъ вотчинная коллегія, объявила чтобы за всѣми разсчетами обращались уже не къ Марьѣ Артемьевнѣ, а къ графу Чернышеву.

Чтобы точнѣе опредѣлить границы правъ и положеніе владѣльцевъ разбившагося на шесть частей имѣнія Строгоновыхъ, считаю нужнымъ указать на тѣ положенія, какія вытекали изъ завѣщанія барона Николая Григорьевича Строгонова.

Получивъ указъ на разслѣдованіе мѣстъ для постройки завода, прикащики Строгонова заявили для этой цѣли три мѣста: 1) На р. Лытвѣ, при впаденіи ея въ Вильву, 2) на р. Лытвѣ между устьями рѣчекъ Уралки (Урса) и Луньвы, гдѣ впослѣдствіи былъ выстроенъ Александровскій заводъ и 3) при впаденіи полуденнаго Кизела въ р. Б. Кизелъ, гдѣ предполагали поставить лишь лѣсопиленный заводъ. На основаніи этихъ изысканій Баронъ Николай Григорьевичъ прошеніемъ, поданнымъ 1 декабря 1763 г. въ Государственную Бергъ-коллегію просилъ дозволенія построить желѣзодѣлательный заводъ на р. Лытвѣ, а на Кизелѣ лѣсопильную мельницу. На основаніи существующихъ законоположеній послали кореннаго маркшейдера, который осмотрѣлъ мѣста, учинилъ повальный обыскъ и поставилъ столбы владѣнія на имя Н. Г. Строгонова, а затѣмъ уже былъ выданъ и указъ на постройку завода отъ 17 февраля 1764 года, который не засталъ уже просителя въ живыхъ. Баронъ Николай Григорьевичъ былъ человѣкъ

предпріимчивый, всей душой стремившійся къ постройкѣ въ своемъ имѣніи заводовъ, но смерть похитила его раньше, чѣмъ онъ успѣлъ выполнить свои планы. Онъ умеръ 28 января 1764 г. Еще при жизни своей онъ раздѣлилъ имѣніе, неуспѣвши однако выстроить для старшаго сына второй заводъ въ дополненіе къ существовавшему Чермозскому мѣдиплавиленному, почему и просилъ остальныхъ сыновей помочь Григорью Николаевичу въ постройкѣ завода и деньгами и людьми, назначивъ на постройку завода десять тысячъ рублей изъ общей кассы. Во исполненіе воли отца братья Григорій, Сергій и Александръ Николаевичи Строгоновы прошеніемъ поданнымъ въ Бергъ-коллегію 23 апрѣля 1764 года объявили, что, слѣдуя волѣ отца въ уравненіе части брата своего Григорія, уступаютъ ему мѣста по рѣчкамъ Кизелу и Лытвѣ на которыя отцу ихъ для построенія завода выданъ былъ указъ и что спорить противъ этого не будутъ, на основаніи чего и выданъ былъ вторичный указъ на постройку завода барону Григорію Николаевичу Строгонову по р.р. Лытвѣ и Кизелу отъ 14 мая 1764 года.

На завѣщанныя отцемъ десять тысячъ рублей завода выстроить конечно было нельзя, а между тѣмъ развѣдки Кизеловскаго рудника постепенно выясняли богатство рудника и баронъ Григорій Николаевичъ Строгоновъ просилъ Бергъ-коллегію дозволить ему теперь же поставить въ Чермозскомъ его заводѣ домну и шесть кричныхъ горновъ, безъ уменьшенія мѣдиплавиленнаго производства, и что существующія 6 мѣдиплавиленныхъ печей и два рудобойныхъ молота достаточно обезпечены и водой, и топливомъ, и рабочими, на что и послѣдовалъ разрѣшительный отъ Бергъ-коллегіи указъ отъ 18 Сентября 1766 года. Между братьями по всей вѣроятности было соглашеніе относительно пользованія Кизеловскими рудами и съ построенія домны въ Чермозѣ руда отправлялась одинаково, какъ въ Чермозъ, такъ и въ Пожву. По продажѣ въ 1773 году По-

жевскаго завода Всеволожскому дѣло шло на прежнихъ основаніяхъ относительно пользованія рудами. Наслѣдникамъ барона Николая Григорьевича, получившимъ вновь выстроенные заводы безъ денегъ, безъ достаточной обстановки, безъ дорогъ, безъ сбыта произведеній заводовъ, безъ твердаго и энергичнаго руководителя дѣла трудно было справляться съ дѣломъ и двѣ части были проданы. Къ этому необходимо добавить и то, что имѣніе не было достояніемъ одного лица, а постоянно дробилось и хотя въ общемъ части были выдѣлены сносно, но въ мелочахъ все было перепутано. Въ особенности путаницу представляли даже въ послѣднее время соляные промыслы, общія нераздѣльныя дачи со всѣмъ ихъ поселеніемъ. Даже до сихъ поръ возникаютъ разныя спорныя дѣла, хотя владѣнія каждаго владѣльца точно опредѣлены и каждый имѣетъ владѣнные акты и документы. Помимо дачъ общихъ въ имѣніи Строгоновыхъ есть еще въѣзжія дачи, которыя принадлежатъ одному или нѣсколькимъ владѣльцамъ, а другіе владѣльцы имѣютъ лишь право въѣзда, т. е. могутъ въ чужой дачѣ хозяйничать какъ имъ угодно безъ всякаго вознагражденія за это собственниковъ дачъ. Это могъ позволить братъ брату, но въ послѣдующихъ степеняхъ родства или же у перекупщиковъ это право—зло ужасное. Такихъ дачъ не много, но такихъ или въ родѣ этого обязательствъ достаточно. Вотъ при такихъ то условіяхъ должна была осуществиться мысль барона Николая Григорьеоича о постройкѣ въ Кизелѣ завода.

IV.

Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій, покупая заводы у Строгонова, держался кажется болѣе моды и желанія быть заводчикомъ и крупнымъ помѣщикомъ. Обязанный своей карьерой перевороту 1762 года, онъ былъ для заводовъ какимъ-то случайнымъ хозяиномъ. Купленное имъ имѣніе требовало труда и массы заботъ

для того, чтобы поставить его въ положеніе благоустроеннаго имѣнія, но Всеволожскій все сводилъ на одну внѣшность. Сегодня у него управляетъ прикащикъ, повѣренный, завтра управляющій, далѣе директоръ, тамъ снова по старому, смотря по тому—высылаютъ ли ему деньги или нѣтъ. Голосъ управляющихъ у него не имѣлъ значенія, если указывалось на необходимость воздержанія въ требованіи денегъ, а онѣ были крайне нужны для устройства имѣнія. Наконецъ онъ махнулъ на все рукой, взялъ такихъ людей, которые поддакивали его желаніямъ и имѣніе быстро довели до упадка. Народъ истощенный, измученный не въ состояніи былъ исполнять возложенныхъ на него работъ и когда примѣнили въ этомъ случаѣ силу, народъ въ трехъ волостяхъ поднялся съ мала до велика. Выслали солдатъ, пушки, башкиръ (казаковъ), пострѣляли, поизувѣчили кой кого и народъ стихъ и пустился въ бѣга. Умеръ затѣмъ и Всеволожскій: имѣніе купленное за 450000 рублей имѣло уже милліонъ триста семьдесятъ тысячъ рублей долгу!

По завѣщанію покойнаго имѣніе перешло не къ брату, а къ племяннику Всеволоду Андреевичу Всеволожскому молодому ротмистру, избравшему опекуномъ имѣнія Куракина, который однако вскорѣ долженъ былъ отказаться въ виду назначенія его Генералъ-прокуроромъ. Такъ какъ доходы съ заводовъ и имѣнія не могли покрывать процентовъ долга, то всѣхъ интересовалъ вопросъ о томъ, какъ будетъ извертываться Всеволожскій? Тотъ однако не унывалъ и на подобные вопросы отвѣчалъ одно, что на его вѣкъ дураковъ хватитъ. Заявивъ, что у него на заводахъ кричнымъ способомъ выдѣлываютъ сталь прямо изъ рудъ, каковой до этого времени и этимъ способомъ не выдѣлывали ни на одномъ уральскомъ заводѣ, онъ подалъ правительству просьбу взять заводы его въ казну, доказывая что стоятъ они во всякомъ случаѣ вдвое дороже, состоящаго на нихъ долга. Въ Перми однако отнеслись къ этому скептически и заявили, что на основаніи де существующихъ законовъ правительство

имѣетъ право во всякое время провѣрить доходность заводовъ по книгамъ и документамъ, равно и всѣ расходы, почему и приходилось хлопотать дальше Перми. Кстати въ это время открылся въ Петербургѣ ссудный заемный банкъ и всѣ устремились къ нему. Изъ Пермскихъ заводчиковъ за ссудами обратились подъ залогъ имѣній графъ Строгоновъ, баронъ А. Н. Строгоновъ, княгиня Шаховская, Николай Демидовъ и Всеволожскій. Никто въ Перми не вѣрилъ что Всеволожскій получитъ ссуду, но время показало свое: Всеволожскій къ концу своей жизни оставилъ на заводахъ одиннадцать милліоновъ рублей долгу. Его лукулловскіе пиры извѣстны и были въ свое время описаны, но помимо пировъ и обѣдовъ онъ и дѣло дѣлалъ. Былъ не дюжиннаго ума, онъ къ несчастію урывками обращалъ вниманіе на свои заводы и въ свое время заводы Всеволожскаго по своимъ усовершенствованіямъ и производству были первыми на Уралѣ заводами.

По поводу открытія заемнаго банка для ссудъ подъ залогъ земельныхъ имѣній, коими по закону могли владѣть лишь дворяне, повѣренный Лазарева Ипановъ писалъ 20 января 1798 г. очень характерно: „Благодареніе Богу, дворянамъ дешевыя деньги опять будутъ билетами выдаваться, коими умные поправятся, а скудоумные вовсе раззорятся, тѣмъ паче получа подъ имѣніе билетъ будутъ стараться достальные забирать мѣдницы, сребреницы и златницы и оныя пустятъ въ далекій путь за море: по мебели, по напитки и по всякія вещи, по такія на кои только поглядятъ, а поглядя хватятся, а послѣ въ своихъ хранильницахъ, въ коихъ будетъ пустымъ пусто и небудетъ ничего, тогда за вспоможеніе вмѣсто благодарности и послѣдуетъ съ воздыханіемъ сѣтованіе“. Пророчество сбылось, сбывается и на новыхъ банковыхъ учрежденіяхъ, гдѣ до сихъ поръ выдаются ссуды безъ изслѣдованія просителя ссуды въ скудоуміи.

Иванъ Лазаревичъ Лазаревъ, купившій заводы Григорія

Николаевича Строгонова, армянинъ по націи, обладалъ и достаточными свѣдѣніями въ веденіи заводскаго дѣла и имѣлъ достаточно средствъ для происводства и развитія заводовъ. О происхожденіи фамиліи Лазаревыхъ мною болѣе подробно сообщено въ книгѣ „Чермозскій заводъ, С.-Пб. 1889 г.“, почему я и не буду касаться этого отдѣла, укажу лишь на то, что арендуя въ теченіе шести лѣтъ заводы графа Александра Сергіевича Строгонова, Лазаревъ вполнѣ изучилъ и положеніе заводовъ и бытъ населенія, зналъ что можно требовать отъ народа и какъ пользоваться мѣстными условіями. Въ это время Пермскимъ и Тобольскимъ генералъ-губернаторомъ былъ генералъ-поручикъ Евгеній Петровичъ Кашкинъ гуманнѣйшая личность, какихъ едва ли видала впослѣдствіи Пермь. Это былъ человѣкъ искренне и всей душой преданный тѣмъ гуманнымъ началамъ, которыя желала провести въ жизнь народа Императрица Екатерина II. Лазаревъ имѣлъ возможность сойтись съ Кашкинымъ въ Петербургѣ, потомъ въ Перми и наконецъ это случайное знакомство походило скорѣе на дружбу въ силу общности взглядовъ на положеніе народа. Лазаревъ былъ безспорно добръ, но онъ былъ ловкій человѣкъ, умѣлъ при случаѣ быть еще добрѣе, если это соотвѣтствовало его видамъ и разсчетамъ. Оказать ли ничтожную услугу, походатайствовать о наградѣ, откликнуться на затѣю начальства, сдѣлать пожертвованіе, помочь въ затруднительномъ положеніи властямъ и все это съ достоинствомъ, безъ холопства и нахальства—вотъ неотъемлемыя качества Лазарева и благодаря этимъ качествамъ онъ успѣвалъ втираться вездѣ. Достаточно было намека генералъ-губернатора что въ Перми, только что начинающейся, негдѣ пріютить больныхъ, какъ Лазаревъ уже шлетъ пожертвованіе на постройку больницы, положивши этимъ начало другимъ жертвователямъ. Не было въ Царскомъ Селѣ школы—Лазаревъ основалъ школу (документы объ этомъ въ Петербургскомъ архивѣ Лазаревыхъ) и такъ вездѣ, но изъ

каждаго своего шага онъ умѣлъ извлекать пользу и съ одной стороны, являясь просвѣщеннымъ дѣльцемъ, съ другой былъ ловкимъ предпринимателемъ и зорко слѣдилъ за всѣмъ окружающимъ.

Правительство имѣя въ Пермской губерніи два монетныхъ двора: Аннинскій (теперь Аннинское село на р. Бабкѣ въ округѣ Юговскаго казеннаго завода) и Екатеринбургскій, было озабочено доставкой и развозкой монеты въ тѣ мѣста, гдѣ въ ней нуждались и вообще выпускомъ ее въ обращеніе. Лазаревъ и изъ этого извлекъ отличную пользу, оказавъ Правительству громадную услугу. Взявъ на себя обязательство по контракту на доставку монеты, онъ испросилъ разрѣшеніе, при избыткѣ таковой, оставлять ее въ своемъ распоряженіи, обезпечивая полученіе залогомъ, на что и получилъ разрѣшеніе. Правительство могло располагать деньгами не зависимо отъ доставки и за монету, взятую Лазаревымъ, не платило за доставку, а Лазаревъ имѣя конторы въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ, Перми и Екатеринбургѣ, открылъ какъ бы банкирскую контору и бралъ переводы на эти города. Въ то время высылка денегъ сопряжена была съ опасностью, а переводы на казначейства ставили заводчиковъ въ критическое положеніе по неимѣнію денегъ въ казначействахъ, то предложеніе Лазарева принято было охотно и съ радостью всѣ платили по 8% Лазареву, избавляясь отъ рискованной перевозки. Лазаревъ такимъ образомъ, дѣлая одолженіе, не забывалъ и себя и всякую услугу ставилъ при случаѣ на видъ. Наконецъ само Правительство знало отлично какую услугу оказываетъ Лазаревъ, не протестуя противъ распоряженій властей, которыми другой дѣлецъ былъ бы окончательно раззоренъ. Сегодня напр. дается распоряженіе о немедленной доставкѣ монеты въ Ярославль и поэтому экстренно готовятся суда для сплава монеты, наняты рабочіе, смотришь получается распоряженіе отправить монету въ какой нибудь Тобольскій приказъ и многое въ этомъ родѣ. Ла-

заревъ, имѣя заводы и соляные промысла, весь народъ и суда занимаетъ подъ доставку своихъ грузовъ и не терпитъ убытковъ, не требуетъ таковыхъ и съ Правительства, однако какъ бы вскользь объ этомъ намекнетъ кому слѣдуетъ. Сборы податей, пошлинъ и оброковъ никогда не поступали своевременно и намѣстничество часто бывало поставлено въ критическое положеніе или по недостатку денегъ или иногда и по избытку. И въ этомъ случаѣ Лазаревъ всегда во время выручалъ властей и пользовался полнымъ расположеніемъ генералъ-губернатора. Коммерсантъ по профессіи, но коммерсантъ, такъ сказать, высшей школы, онъ никогда не пользовался минутными барышами и срывами, но впередъ взвѣсивъ всѣ обстоятельства и могущія быть послѣдствія и выгоды, шелъ къ цѣли твердо, не обращая ни какого вниманія и иногда дѣйствія его шли положительно въ разрѣзъ съ взглядами сосѣдей заводчиковъ. Напр. при торгахъ на поставку соли Лазаревъ отстаивалъ умѣренныя цѣны, всѣ же другія назначали высокую цѣну, при чемъ доказывалъ что поднятіемъ цѣны будетъ вызванъ подвозъ южной соли и будетъ создана опасная конкуренція. Никто изъ заводчиковъ солеваровъ и слышать этого не хотѣлъ. Правительство этой, такъ сказать, стачкой вынуждено было дать требуемую цѣну, но сейчасъ же и приняло свои мѣры, постепенно усиливая подвозъ южной соли. Къ концу контрактнаго срока у правительства оказались всѣ магазины заполненными южной солью и какъ раньше заводчики солевары прижали властей къ стѣнѣ, вынуждая невыгодный для казны контрактъ, такъ теперь правительство поступило съ солеварами. Въ то время, когда всѣ магазины въ солеваренныхъ заводахъ были полны солью, когда были приготовлены суда и народъ для сплава соли и солевары ждали лишь распредѣленія назначеній доставки соли, правительство заявило, что у него магазины полны солью и что если солеварамъ угодно сплавлять соль, то они въ мѣстахъ складовъ (Нижнемъ, Ярославлѣ и др). устроили бы свои ба-

лаганы или просто складывали соль въ бунты, кому какъ угодно, и охраняли ее до сдачи въ казну. Солевары потеряли не только могущіе быть барыши, но сверхъ этого до 3-хъ копѣекъ на пудѣ и затѣмъ во избѣжаніе дальнѣйшихъ убытковъ согласились сдавать соль, вмѣсто прежней контрактной цѣны девяти коп. за пудъ соли, всего лишь по шести, т. е. свою почти цѣну, не принимая во вниманіе случайностей доставки, подмочки, усышки и утечки, что составляло прямо убытокъ. Или напр. другой случай. Правительство требовало отъ уральскихъ заводчиковъ извѣстный процентъ выдѣлываемаго на заводахъ желѣза для Таганрогскихъ построекъ. Заводчики заявили цѣну на желѣзо отъ 6 до 12 рублей за пудъ, Лазаревъ же заявилъ въ 2 р. 80 коп. за пуд. При расчетѣ за желѣзо въ Сенатѣ серьезно заговорили о томъ, что стоятъ ли заводчики дѣлаемыхъ имъ поощреній, такъ какъ опытъ доказалъ, что принуждѣ они готовы сорвать съ правительства что угодно, противъ чего заводчики выставляли дѣйствительность заявленныхъ ими цѣнъ. Сенатъ принялъ это за настоящую монету и къ великому удивленію назначилъ особое лицо для провѣрки отчетовъ и расходовъ по выдѣлкѣ желѣза, каковаго скандала заводчики не ожидали и заводчики скорѣе уничтожили бы свои конторы и архивы, чѣмъ допустили бы правительственное лицо до повѣрки отчетовъ и тѣхъ статей, кои составляли ихъ секретъ и давали поводъ по секретнымъ расходамъ возбудить сотни скандальныхъ дѣлъ. Но палка осталась палкой, хотя и безъ примѣненія къ дѣлу, служа и въ послѣдствіи острасткой заводчикамъ.

Живя въ Петербургѣ Лазаревъ сошелся съ тамошними представителями разныхъ торговыхъ фирмъ и началъ свое желѣзо сбывать въ Англію, совсѣмъ прекративъ торговлю въ Макарьевской ярмаркѣ и всѣми силами старался развить это дѣло. Желѣзо качествами своими удовлетворяло покупателей, цѣны же были подходящи и постепенно росли. Такъ въ 1785 г. желѣзо было продано по 97 коп.

пудъ, потомъ по годамъ 1 р. 10, 1—15 к 1 р. 30 к. 1 р. 40 к., 1 р. 45 к. и затѣмъ уже чрезъ пять лѣтъ продавалось отъ 2 р. 40 к. до 2 р. 80 к. за пудъ. Главными покупщиками были слѣдующія фирмы: Вильянъ Портеръ и К°, Рассъ-Царисъ и Варъ, Крампъ и Казалетъ и Пипингъ. Провозная плата не превышала 26 коп. а самая дешевая была 17 коп. съ пуда. Даже при самыхъ низкихъ цѣнахъ желѣзо давало до 50% чистаго дохода. Въ виду этого Лазаревъ всѣ силы свои направилъ на постройку заводовъ. Какъ повелось это дѣло увидимъ ниже, а настоящую главу я закончу характеристикой Лазарева какъ владѣльца и какъ человѣка. Ознакомившись почти со всѣми данными касающимися Лазарева, какъ заводчика, я беру смѣлость сказать, что это былъ гуманнѣйшій человѣкъ своего вѣка и въ особенности въ то время, когда въ полной красѣ обрисовались Кыштымцы, Демидовы и другіе заводчики, которымъ приличнѣе бы было сидѣть въ исправительномъ отдѣленіи, чѣмъ распоряжаться участью и жизнью десятковъ тысячь людей принадлежащихъ заводамъ. Изучивши жизнь заводскаго люда во время аренды Строгоновскихъ заводовъ, онъ хорошо зналъ бытъ управляемыхъ и управляющихъ и составилъ себѣ о нихъ понятіе на основаніи имѣющихся фактовъ, котораго и держался до самой смерти. Въ каждомъ управляющемъ онъ видѣлъ деспота, который для своихъ властолюбивыхъ цѣлей готовъ поставить все на карту и всякое поползновеніе къ власти служило ему какъ бы подтвержденіемъ его установившихся понятій и взглядовъ и въ критическую оцѣнку дѣйствій управляющихъ, вызвавшихъ то или другое поползновеніе къ власти, не входилъ, а смотрѣлъ односторонне и много изъ за этого проигрывалъ и въ дѣлѣ и въ спокойствіи. По своему онъ былъ правъ. Дѣйствительно крѣпостное право со всѣми его ужасами и дѣяніями создало особенный типъ дѣльцовъ управляющихъ. Состоя въ крѣпостной зависимости и выбившись по своимъ способностямъ до условной свободы,

—лица эти для сохраненія этой свободы употребляли всѣ средства чтобы удержать за собой расположеніе владѣльца, исполняя всѣ его желанія и капризы. А желанія всякаго владѣльца—подавай больше доходовъ и эти доходы выколачивали изо всего, что можно было колотить и жать. Всякое указаніе владѣльца, что управляющій де мирволитъ своимъ родственникамъ, дѣлало изъ него звѣря и на своихъ-то родственникахъ такой звѣрь вполнѣ доказывалъ своему хозяину, что у него нѣтъ пристрастія къ роднымъ, какъ у палача. Я знаю случай, что даже мелкій служащій въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія дулъ и наказывалъ розгами своего отца въ Сылвинскомъ заводѣ Яковлева, чтобы сохранить только за собой званіе куреннаго надзирателя. Такой управляющій зналъ, что если онъ потеряетъ власть—ему съ двухъ сторонъ придется плохо. Съ одной стороны владѣлецъ пропишетъ на его спинѣ всѣ его прегрѣшенія, съ другой всѣ обиженные высчитаютъ свои обиды и претерпѣнныя истязанія. Оставалось одно: держаться за владѣльца и за данную въ руки власть. Лазаревъ, повторяю, все это видѣлъ раньше, зналъ, и какъ сторонній человѣкъ легче могъ изучить все это на заводахъ Строгонова, чѣмъ на своихъ заводахъ. Не всѣ же и не вездѣ конечно были звѣри, но разъ составленное мнѣніе имѣло потомъ вліяніе на всѣ послѣдующія дѣянія и распоряженія Лазарева. Два, три поползновенія управляющихъ къ самостоятельности и власти только подтвердили взгляды Лазарева и послѣ никакія доказательства не могли сбить его съ этого пути въ то время, когда онъ долженъ былъ уполномочить властью управляющаго. Чѣмъ болѣе представляли ему доказательствъ, тѣмъ упорнѣе онъ отвергалъ ихъ цѣлесообразность и входилъ въ личныя препирательства не щадя ни заслугъ, ни трудовъ преданнѣйшихъ ему людей и эта черта лежитъ темнымъ пятномъ на его личности. Онъ все таки какъ идеалистъ мечталъ создать такое управленіе заводами при коемъ народъ былъ бы всѣмъ доволенъ, самъ

бы сознавалъ дурное, а управляющіе лишь указывали на дурные стороны, ожидая отъ самого народа исправленій. Вотъ копія съ наставленія даннаго прикащику Щербакову, какъ вести дѣло и управлять народомъ:

,,Управлять людьми есть дѣло особеннаго вниманія и соразсужденія требующее, для чего и должно имѣть доброе къ людямъ расположеніе и ими распоряженіе, дабы имѣли они вѣру. Обходится же съ ними не сурово, выслушивать ихъ просьбы терпѣливо и когда они справедливы, то удовлетворять колико можно скорѣе, а ежели какъ случается просятъ невозможнаго, то не огорчаяся вразумить, почему удовольствія сдѣлать нельзя, слѣдовательно просящій и самъ уже узнаетъ, что просилъ недѣльно. Неможно не быть, чтобы кто либо изъ людей, бывающихъ при должностяхъ или при чемъ бы то нибыло, не впали по слабости своей въ какой либо родъ погрѣшности, то смотря по преступленію и на сдѣлавшаго оное стараться исправлять добрымъ наставленіемъ и преподаваніемъ приличныхъ для того правилъ и дать ему чувствовать чему онъ себя за то подвергаетъ; будеже и затѣмъ не исправится и впадетъ или сдѣлаетъ еще дурной поступокъ, то и долженъ по мѣрѣ содѣяннаго получить оштрафованіе, что служить можетъ удержаніемъ отъ шалостей прочимъ людемъ. Но при всемъ томъ управляющимъ должно имѣть непремѣнное правило иногда строгостію сдѣлать или получить отнюдь того не можно, что кроткимъ обращеніемъ и прочимъ узнаютъ и доведутъ до хорошаго порядка теченіе дѣлъ. Видя же подчиненные управляющихъ своихъ справедливыми и будутъ благонравнѣе и исправляться станутъ отъ однихъ добрыхъ правилъ, которыми можно болѣе успѣть, нежели строгостію; хорошаго же поведенія людей замѣчать и для примѣру другимъ дѣлать отличіе, при томъ отъ управляющихъ отнюдь бы не происходило самолюбія и отъ того нетерпѣли бы подчиненные напраснаго притѣсненія каковое и можетъ удалять ихъ отъ усердія по должности“. Въ этомъ настав-

леніи Лазаревъ обрисовывается вполнѣ. Онъ всю жизнь желалъ достичь этого состоянія народа но достигъ-ли, увидимъ ниже.

V.

Купивъ имѣніе, т. е. часть Григорія Николаевича Строгонова, Лазаревъ назначилъ управлять имѣніемъ своего шурина армянина Моисея Ивановича Оханжанова и крѣпостнаго человѣка Якова Дмитріевича Ипанова. Главное правленіе было тогда въ с. Усольѣ при солянныхъ промыслахъ, а Чермозъ былъ едва только начинающимся заводомъ. Оханжановъ былъ старъ, не обладалъ выдающимися способностями и держался въ управленіи какъ честный лишь человѣкъ. Ипановъ напротивъ былъ молодъ, строгихъ правилъ жизни, завзятый раскольникъ и обладалъ недюжиннымъ умомъ и отличными способностями. Прошлое Ипанова неизвѣстно, но кажется было небезупречно, такъ какъ Лазаревъ частенько напоминалъ ему это. Лазаревъ пріобрѣлъ его отъ Строгонова за рекрутскую квитанцію, чтобы кажется спасти отъ солдатчины, куда хотѣли сдать Ипанова.

Лазаревъ отлично зналъ что купленное имъ имѣніе запущено, народъ раззоренъ, зданія и заводскія сооруженія стоятъ на подпоркахъ и по этому первымъ дѣломъ желалъ устройства быта рабочихъ и крестьянъ, для чего и потребовалъ отъ управленія списки рабочихъ и крестьянъ съ подробнымъ описаніемъ положенія и состоянія селеній и быта крѣпостныхъ. Вмѣстѣ съ симъ приказалъ назначить такіе оброки съ крестьянъ, которые не были бы обременительны и платежи поступали бы исправно, при чемъ однако послабленій допущено бы не было. При этомъ категорически высказалъ, что оброки его интересуютъ не какъ временная мѣра, а какъ постоянный источникъ дохода и обязанность де управляющихъ не въ томъ состоять должна, чтобы умѣть только собирать оброки, а въ томъ, чтобы платежъ оброковъ не истощался бы и самые оброки

увеличивались бы соотвѣтственно благосостоянію населенія и никогда бы не были обременительны. Правленіе представило ему списки и назначило оброкъ, смотря по состоянію каждаго и производительности полей и луговъ. Получивши эти назначенія Лазаревъ спрашиваетъ правленіе—почему съ крестьянъ села Юрическаго назначенъ оброкъ менѣе другихъ, а именно въ 1 р. 50 копѣекъ? Можно назначить и рубль, отвѣчаетъ правленіе.

Какъ же такъ: назначали 1 р. 50 коп., а теперь рубль! Я хочу знать мотивы назначенія того или другаго оброка, и мнѣ безразлично будетъ ли рубль или полтора, но почему рубль или больше?

Правленіе отвѣчаетъ 1 р. 25 коп. Снова запросъ почему 1 р. 25 коп., а не рубль или полтора, какъ было назначено раньше. Правленіе вѣроятно составляло списки безъ изслѣдованія положенія крестьянъ и по этому отвѣчать прямо на это не могло, что наконецъ и вызвало такое распоряженіе Лазарева отъ 24 февраля 1779 года: „въ знакъ безпристрастности къ вамъ и усердію вашему дѣламъ моимъ, симъ предписываю: изъ главныхъ селеніевъ моихъ вотчинъ выбрать самыхъ лучшихъ и состоятельныхъ людей и выслать ко мнѣ въ Петербургъ для отобранія отъ нихъ самолично о всѣхъ тамошнихъ обстоятельствахъ порядочнаго свѣденія, которые бы могли въ самой справедливости обо всемъ объясненіе сдѣлать и чтобъ послали по всѣмъ вотчинамъ повелѣніе о выборѣ тѣхъ людей самимъ крестьянамъ, однакожъ чтобы и вы опробовали хорошими, самаго честнаго поведенія людьми, слѣдовательно и должны они быть самые безпристрастные и добраго состоянія люди". Крестьяне, согласно требованія Лазарева, выбрали представителей, снабдили ихъ просьбами и отправили. Въ Москвѣ они встрѣтили Лазарева, который пріѣзжалъ туда по дѣламъ, переговорилъ съ ними и вслѣдствіе этихъ разговоровъ одного изъ нихъ, представителя с. Дмитріевскаго, зарвавшагося въ своихъ требованіяхъ и притязаніяхъ на

льготы, Лазаревъ вернулъ сейчасъ же обратно въ имѣніе, а остальныхъ отправилъ въ Петербургъ, гдѣ они должны были дождаться его возвращенія. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Лазаревъ выслушалъ обстоятельно всѣ просьбы, разспросилъ объ имѣніи и существующихъ тамъ порядкахъ, остался совершенно доволенъ обстоятельностью доставленныхъ ему свѣденій, наградилъ довѣренныхъ и отправилъ ихъ обратно.

Крестьяне жаловались, что обремененные работами по воздѣлыванію господскихъ пашень, которыя не имѣя хозяина, управляются прикащиками, людьми, которые мало заинтересованы въ хозяйствѣ и по этому де пашни никогда не дадутъ того дохода, какой дали бы они хозяину земледѣльцу, между тѣмъ крестьяне напрасно тратятъ массу самаго дорогого въ крестьянскомъ быту времени на обработку этихъ пашень. Лазаревъ вполнѣ былъ согласенъ съ этими доводами и далъ по этому случаю распоряженіе, чтобы „господскую запашку уничтожить, „а пашни раздать неимущимъ и являющимся изъ бѣговъ", которые заслышавъ новые въ имѣніи порядки начали возвращаться къ домамъ, но земли ихъ во время побѣговъ были розданы другимъ крестьянамъ. Точно также предоставлено было правленію въ случаѣ непримѣнимости вышеизложеннаго, „предоставить пашни" на собственное распоряженіе крестьянъ, только при томъ на крѣпко смотрѣть чтобы бѣдные и явившіеся изъ бѣговъ не были бы обижены, а чтобъ всѣ имѣли равенственное удовольствіе.

Крестьяне заявили что скотскіе дворы для разведенія рогатаго скота и лошадей не принесутъ никакой пользы и было бы выгоднѣе покупать рогатый скотъ и лошадей, чѣмъ выкармливать ихъ на покупномъ сѣнѣ, а между тѣмъ для содержанія этихъ дворовъ совершенно непроизводительно задолжается масса здороваго рабочаго народа, какъ для заводовъ конскихъ и другихъ, такъ и на выставку сѣна и овса. И здѣсь Лазаревъ вполнѣ согласился, сдѣлавъ распоряженіе объ уничтоженіи дворовъ для разведенія лоша-

дей и рогатаго скота, приказавъ лошадей отсортировать, оставивъ часть для заводскихъ работъ, а остальныхъ продать или раздать крестьянамъ. Покосы же принадлежащіе конскимъ заводамъ раздать крестьянамъ, кромѣ Кыласовскихъ, которые выставлять по прежнему для обезпеченія рудовозовъ въ Кизеловскомъ рудникѣ, гдѣ не было покосовъ.

Крестьяне жаловались, что для нихъ затруднительно платить оброкъ медомъ, воскомъ, свининой, льномъ и проч., что собственно не составитъ дохода владѣльцу, а идетъ напрасно на содержаніе служащихъ дворовыхъ, тогда какъ крестьяне или должны все это покупать, или же заниматься несроднымъ для нихъ производствомъ. Отмѣнено и это, а также уничтожено во всемъ имѣніи господское пчеловодство, бортя же и ульи приказано было раздать любителямъ безплатно.

Крестьяне указывали, что мукомольныя мельницы, содержимыя господскимъ счетомъ и наблюдаемыя прикащиками, не заинтересованными въ прибыляхъ отъ ихъ производства, не дадутъ настоящаго дохода, а такъ какъ для прикащика безразлично будетъ ли стоять мельница или работать, то постоянно является задержка въ размолѣ въ самое нужное для дѣла время. Если же всѣ мельницы сдать въ аренду, то арендная плата будетъ далеко выше настоящихъ доходовъ мельницъ и не будетъ задержки въ размолѣ, тогда какъ теперь крестьяне должны по суткамъ жить, дожидаясь размола. И это уважено—съ благодарностію.

Крестьяне жаловались, что ихъ наряжаютъ возить изъ Кизеловскаго рудника руду на пристани съ половины ноября, гдѣ они и работаютъ (до 600 подводъ) до половины марта и дѣлаютъ всего до 25 наѣздовъ, уѣзжая въ зиму по нѣсколько разъ домой за хлѣбомъ, овсомъ и сѣномъ, перегоняя почти за двѣсти верстъ лошадей напрасно. Если бы правленіе заготовило на мѣстѣ провіантъ и фуражъ и отпускало по стоющей заводу цѣнѣ, то всю работу они выполнили бы не въ четыре мѣсяца, а въ 35 дней.

На это Лазаревъ немедленно же предписалъ правленію: „предписываю изъ оставленныхъ луговъ сѣно доставлять «въ Кизелъ; равно заготовить муки и овса для выдачи ра«бочимъ по истиннымъ цѣнамъ въ что оные кочтовать бу«дутъ безъ малѣйшей надбавки, а сѣно выдавать по 3 ко«пѣйки за пудъ, съ обязательной выставкой самими крестья«нами при доставкѣ счетомъ завода. А какъ все мое же«ланіе состоитъ въ томъ, какъ возможно изыскать средство «то, чтобъ меньшимъ числомъ работниковъ исправлять всѣ «мои заводскія работы и тѣмъ паче облегчить крестьянъ «моихъ, которымъ я заочно (т. е. безъ провѣрки чрезъ «Правленіе), а токмо изъ одного крестьянскаго словеснаго «объясненія дѣлаю это распоряженіе“.

Затѣмъ обсуждался вопросъ объ оброкахъ и довѣренные признали, что таковой въ 1 р. 70 коп. будетъ не обременительнымъ, за исключеніемъ крестьянъ Юрической волости, съ коихъ болѣе 1 р. 20 коп, брать было бы обременительно, почему еще сбавили такой до одного рубля. Всѣ эти распоряженія Лазаревъ приказалъ объявить по всѣмъ волостямъ и деревнямъ на сходахъ. Правленіе однако находило оброкъ для Юричанъ въ 1 руб. малымъ, доказывая, это тѣмъ, что они владѣютъ отличными пашнями, но что лѣнивы и вообще не стоятъ поощреній. Однако дѣло показало другое. Чрезъ два года за Юричанами накопилась годовая недоимка и Лазаревъ потребовалъ обстоятельнаго изслѣдованія быта Юрическихъ крестьянъ. Изслѣдованія были сдѣланы и правленіе донесло Лазареву что „въ с. Юрическомъ по послѣдней ревизіи состоитъ, за ис«ключеніемъ переведенныхъ въ другія мѣста, 1255 душъ, «на коихъ и положенъ оброкъ въ 1255 рублей. Но по до«мовней описи въ наличіи состоитъ съ престарѣлыми и «малолѣтними всего 980 душъ, да въ числѣ оныхъ зак«лючается немалое число хромыхъ, слѣпыхъ и другими бо«лѣзнями зараженныхъ, также явившихся изъ бѣговъ, одно«колковъ, которые не только что оброчнаго и подушнаго

»тягла платить и заработывать не въ силахъ, но еще изъ «суммы господской на строеніе домовъ, на покупку скота, «на выкупъ изъ закладовъ пашенъ и покосовъ, на женить- «бы и проч. исправности по часту просятъ удовольствія и «затѣмъ и за прежнимъ ихъ по извѣстнымъ обстоятель- «ствамъ изнеможеніемъ къ платежу (во владѣніи Строгонова) «и къ заработыванію показаннаго рублеваго оброка предви- «дятся они крайне безнадежными, отчего и состоитъ на «нихъ оброчной доимки за послѣдніе два года 1562 рубля «и для того осмѣливаемся представить, не изволите ль ука- «зать съ означенныхъ Юрическихъ крестьянъ за объявлен- «нымъ ихъ изнеможеніемъ впредь до исправности изъ руб- «леваго оброку еще учинить убавку хотя до 40 коп. съ «души и о томъ насъ наградить повеленіемъ". Правленіе всетаки не могло объяснить Лазареву дѣйствительную причину печальнаго положенія волости, которая не могла платить уменьшеннаго оброка даже за наличное число душъ. Причина была въ томъ, что каждая волость и каждое общество платило по числу ревизскихъ душъ не одинъ только оброкъ, а и подушную государственную подать, мірскіе сборы, выполняло казенные наряды по исправленію дорогъ, гоньбу, рекрутскую повинность и проч. налоги. Точно также и Юричапе несли всѣ эти повинности не по количеству наличныхъ душъ, а по ревизскимъ записямъ, имѣя въ дѣйствительности почти половинное количество платежныхъ душъ. Прежде всего вытягивали изъ нихъ казенныя подати и наряды и это зорило крестьянъ, и при желаніи владѣльца помочь имъ скидкой оброка противъ другихъ волостей, помощь эта была крайне недостаточна. Лазареву обо всемъ этомъ приходилось узнавать поздно и онъ распекалъ правленіе, которое состояло собственно изъ Ипанова, такъ какъ Оханжановъ въ этомъ дѣлѣ былъ плохъ и могъ сообщать лишь свѣденія о вываркѣ соли и о ходѣ караванныхъ работъ. Лазаревъ былъ требователенъ, забывая однако, что всякое новое дѣло легко на бумагѣ, но на дѣлѣ какая пибудь ме-

лочь поглощаетъ нѣсколько дней работы. Трудолюбивый, настойчивый въ дѣлѣ Ипановъ не успѣвалъ и въ такихъ случаяхъ, какъ говорится, отписывался. Закоренѣлый раскольникъ, Ипановъ былъ другомъ народа въ самомъ обширномъ значенiи этого слова, но онъ своеобразно примѣнялъ эту дружбу на дѣлѣ. Неимѣвшiй ни жены, ни семьи, онъ всецѣло отдался дѣлу, былъ образцоваго поведенiя и жизни и требовалъ того же отъ другихъ. Не признавалъ ни табаку, ни водки и всѣхъ нераздѣлявшихъ его взглядовъ на это обзывалъ „латынщиками". Достаточно было сказать Лазареву, чтобы въ его имѣнiи былъ миръ и спокойствiе, Ипановъ готовъ былъ плетьми вводить этотъ миръ. Онъ не допускалъ несправедливости, но не былъ ласковъ, добродушенъ какъ желалъ того Лазаревъ, называя его деспотомъ, тогда какъ Ипановъ до глубины души возмущался всякимъ проявленiемъ деспотизма. Право сильнаго онъ признавалъ, но отъ всѣхъ требовалъ, чтобы право это было правомъ справедливости, не самодурства. Замѣтивъ, что кто нибудь изъ прикащиковъ заявлялъ свое минутное величiе силой—онъ всѣми средствами обрушался на такое проявленiе грубой силы. По поводу раздачи господскихъ пашенъ и покосовъ Ипановъ возмущался дѣлежемъ крестьянъ и ихъ спорами о землѣ, и писалъ въ Петербургъ въ ноябрѣ 1780 года: „только ненависть между крестьянъ прекратить не можемъ. Когда были они отягощены (т. е. когда были во владѣнiи Строгонова), тогда не было имъ нужды ни о пашняхъ, ни о покосахъ имѣть ссоры, а нынѣ тѣ между ними и дѣла, что ссоры о пашняхъ и о покосахъ; какъ-то и минувшимъ лѣтомъ я въ селахъ нестерпя горланами маломощнымъ обидъ на спорныхъ тѣхъ самыхъ мѣстахъ болѣе двадцати человѣкъ наказалъ по замерзлому въ нихъ и застарѣлому обычаю: кто прежде былъ по сильнѣе и хаплистѣе тотъ сдѣлалъ немалые захваты пустыхъ земель и лѣса за селами, которые потомъ и называютъ сынъ отцовскимъ, внучата дѣдовскимъ, правнучата прадѣ-

«довскимъ; нынѣ скудныхъ ни росчищать, ни распахивать «не допускаютъ, то мнѣ по такимъ съ ними неустройствамъ «ни чего болѣе не оставалось дѣлать, чтобъ ихъ не смирить и «къ любви приводить, такъ какъ они одного господина и «должны между собою братьями быть и земли отъ господина «своего и отца данныя по своимъ семействамъ яко дѣти «дѣлить и владѣть и пользоваться". А хороша однако логика: двадцать человѣкъ перепоролъ для того, чтобы они любили другъ друга какъ братья и это называлось мирить и приводить къ любви. Въ этомъ же письмѣ приписка къ Петербургскому управляющему съ просьбой не сообщать этого Лазареву „ибо онъ весьма огорчится и отъ такихъ плутовъ добрымъ крестьянамъ милости дѣлать не будетъ, хотя я его персонально и не видалъ, однако вижу изъ повелѣніевъ и примѣчаю горячность". Кажется что горячность эта могла относиться къ Ипанову именно вслѣдствіе тѣхъ мѣръ какими мирили братьевъ. Впрочемъ такихъ наказаній вообще было мало и то только до тѣхъ поръ пока, Лазаревъ не пріѣхалъ на заводы и о всякомъ наказаніи доносили не Лазареву, а его управляющему въ Петербургѣ Кандалинцеву. Откуда взялъ Лазаревъ Кандалинцева свѣденій нѣтъ. Слышанная мной отъ многихъ легенда о томъ, что Лазаревъ якобы освобилъ его отъ кандаловъ-невѣроятна. Вѣрнѣе предположить, что предки его были урожденцы Симбирской губерніи, гдѣ противъ Симбирска есть селеніе Кандалы (см. путешествіе капитана Рычкова 1776 г.). Служа у Лазарева, Кандалинцевъ былъ Чистопольскій купецъ изъ крестьянъ, откупщикъ временъ Екатерины II, пожалованный Императоромъ Павломъ въ коллежскіе асессоры, затѣмъ въ надворные совѣтники, помѣщикъ съ полученія чина въ Чистопольскомъ уѣздѣ, гдѣ были его родные. Кандалинцевъ былъ человѣкъ отлично развитой, образованный, способный, дѣловый, но жесткій, державшій себя на почвѣ немилостиваго начальника. Лазаревъ требовалъ кроткихъ мѣръ, а съ боку на той же бумажкѣ Кандалинцевъ при-

пишетъ—„посмотрю, дескать, какъ вы поучите провинившагося“—ну и идетъ донесеніе Кандалинцеву какъ поучили съ просьбой, конечно, не сообщать объ этомъ Лазареву. А эти ученья подъ часъ бывали занятны и стоятъ лѣтописи. Вотъ напримѣръ образчикъ этого отеческаго внушенія. Правленіе 31 декабря 1780 г. доносило Кандалинцеву, что „изъ находящихся при Новоусольскомъ правленіи подъячихъ Никита Десятовъ прошлаго 1779 года «февраля 4 дня будучи въ вотчинномъ правленіи у записки «приходу и расходу денегъ и хлѣбныхъ припасовъ и у со«чиненія рапортовъ и вѣдомостей и у производства пись«менныхъ дѣлъ, вмѣсто подлежащей по должности его ис«правности и употребя себя къ дѣламъ въ нераченіе и об«ратясь въ лѣнность и въ пьянство и чрезъ то отважась «изъ довѣреннаго ему отъ прежде бывшаго вотчиннаго при«кащика Якова Бѣлоногова на расходъ господскихъ денегъ «зворовать и промотать тридцать восемь рублевъ, и недо«воленъ тѣмъ, еще по безстрашію своему изъ имѣющейся у «него на письменное производство господской бумаги воров«ски дать на продажу брату своему Якиму Десятову двѣ «дести, которую онъ Десятовъ продалъ Кизеловскаго руд«ника работнику Ефиму Шляпину за пятнадцать копѣекъ и «тѣ деньги взялъ и изъ оныхъ отдалъ на пропой брату сво«ему Никитѣ Десятову десять копѣекъ, а достальные про«пилъ самъ и въ томъ изобличенъ онымъ работникомъ Шля«пинымъ самолично и признались, а въ выше писанныхъ «тридцати восьми рубляхъ хотя и запирался, но по прили«чившемуся въ бумагѣ воровству спрашиванъ изъ подпри«страстія(?), извинился какъ бумагу на продажу воровски от«далъ и деньги у Бѣлоногова воровалъ и пропивалъ, за что «оный Десятовъ, т. е. за кражу денегъ тридцати восьми «рублевъ и за отдачу на продажу бумаги брату своему, а «Якимъ за пріемъ и продажу оной на страхъ другимъ(?) и «наказаны были батожьемъ и при томъ обязаны подпискою «съ тѣмъ, что если еще изъ нихъ который хотя малую про-

дерзость учинитъ и въ должности своей неисправенъ окажется, то уже учинено будетъ сугубое наказаніе противъ оного и сошлются въ заводскую работу не отмѣнно, но изъ оныхъ Никита Десятовъ за продерзость свою сугубаго наказанія неустрашась и подписку свою не только пренебрегъ, и оставя ни во что, сверхъ вышеписаннаго паки отважностію своею прошедшаго октября 29 дня деревни Бѣлой Пашни отъ десятника Якова Богатырева взнесенныхъ имъ въ правленіе на рекрутскую отдачу денегъ самовольно безъ вѣдома повѣреннаго и минуя опредѣленнаго расходчика взявъ и себѣ удержавъ и промоталъ семь рублей двадцать копѣекъ и свѣдавъ что о тѣхъ деньгахъ отъ десятника Богатырева въ Правленіе поданъ рапортъ, 9 ноября скрылся, бѣжалъ, котораго и нашли въ деревнѣ Усть-Кондасской у родственниковъ его 12 ноября. Для того въ здѣшнемъ правленіи опредѣлено отъ должности отрѣшить— и отрѣшенъ; на тѣлѣ учинить и учинено нещадное наказаніе(??) и по наказаніи наложа на шею рогатину заковать въ ножные кандалы и отослать въ Чермозскій заводъ въ работу, а по приводѣ туда оковы съ ногъ снять и на шеѣ съ рогатиной содержать впредь до повеленія изъ Петербурга (Кандалинцева), а на содержаніе отпускать въ мѣсяцъ два пуда муки и 30 копѣекъ. (Рогатина —это широкій складной желѣзный ошейникъ, запираемый на висячій замокъ, вѣсъ котораго назначался сообразно винѣ. Къ этому ошейнику приваривались съ боковъ желѣзные въ родѣ бычачьихъ, рога до 1 аршина и болѣе длиной и приходились противъ плечь, а замокъ колотилъ сзади по спинѣ. На концахъ роговъ подвѣшивались маленькіе колокольчики, и когда такой субъектъ идетъ, то по звону знали, что надѣта рогатина. Употреблялись также для наказаній и колодки. Это два березовыхъ бруска, каждый въ $2^1/_4$ до 4 вершковъ квадратныхъ въ сѣченіи и отъ $1^1/_2$ до 2 аршинъ длины. Эти бруски склепывались желѣзными болтами когда были надѣты на ногу однимъ концомъ гдѣ и имѣлось от-

верстіе для ноги. Бѣжать съ колодкой было невозможно, иначе одинъ неосторожный скачекъ переломитъ ногу а обыкновенно попавшій въ колодку, ногу волочилъ, т. е. ходилъ безъ подъема ноги. Колодки эти хранились еще въ 50 годахъ, хотя не употреблялись, а рогатины надѣвали на школьниковъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. (Въ такой рогатинѣ ходилъ, бывши школьникомъ управитель Кизеловскаго завода И. Н. Ильинъ, который мнѣ и сообщилъ рисунокъ колодокъ).

Обо всѣхъ подобныхъ дѣлахъ Ипановъ писалъ исключительно Кандалинцеву и ни въ одномъ изъ предписаній Лазарева не было упомянуто о наказаніяхъ, кромѣ трехъ случаевъ, гдѣ Лазаревъ самъ назначалъ мѣру наказанія, но объ этомъ будетъ впереди. Въ описаніи мѣръ наказанія я позволилъ себѣ зайти впередъ, но сдѣлалъ это лишь въ виду того, что случаи эти были такъ рѣдки, что едва можно насчитать пять-шесть за всѣ двадцать пять лѣтъ сначала покупки заводовъ до смерти Лазарева, да и то въ первые года владѣнія заводами Лазарева, когда еще ни управляющіе, ни народъ не знали Лазарева и когда шли, такъ сказать, по проторенной дорожкѣ управленія заводами Строгонова.

Когда былъ выстроенъ Кизеловскій заводъ, то тамъ въ конторѣ служилъ какой то писецъ Яковъ Рябовъ. За пьянство и за продажу водки Ипановъ лишилъ его званія служителя и приказалъ отправить въ работу. Рябовъ смекнулъ, что хуже не будетъ и какъ грамотному дадутъ или мѣсто досмотрщика при работахъ, или же назначатъ караульнымъ, но лишь бы отвертѣться отъ работы. Для достиженія своей цѣли онъ заявляетъ, что слабъ глазами и при работѣ можетъ изувѣчиться. „Не безспокойся другъ, заявляетъ Ипановъ, такую работу и дадимъ, гдѣ не изувѣчишься“ и назначилъ его въ мѣховую мастерскую. На уральскихъ заводахъ „мѣховой“ называлась плотничная и столярная изба, гдѣ поправляли испорченныя части мѣховъ, т. е.

воздуходувныхъ машинъ. Тутъ же стояло всегда точило для оточки инструмента: топоровъ и прочаго. Точило, за неимѣніемъ машиннаго привода, вертѣли руками и вотъ тутъ то не доставало работника, такъ какъ точило вертѣлъ слѣпой нищій, вызвавшійся работать за одинъ хлѣбъ, но силъ его для полной артели плотниковъ не хватало и въ помощь ему назначался и Рябовъ. Не скажи онъ что онъ плохо видитъ, проболтался бы гдѣ нибудь на посылкахъ, а тутъ цѣлый день хоть спины не разгибай. Обо всѣхъ такихъ случаяхъ Ипановъ аккуратно доносилъ Кандалинцеву и тотъ давалъ уже распоряженіе продлить ли срокъ наказанія или же освободить. Бывали случаи, что и Кандалинцевъ при всей его жестокости, являлся заступникомъ за наказываемыхъ. Въ Чермозскомъ заводѣ былъ прикащикъ Дьяконовъ. Изъ усердія къ службѣ онъ каждую ночь шлялся по заводу и фабрикамъ, но слухи ходили, что цѣль этихъ ночныхъ путешествій та, чтобы узнать на службѣ ли, или на работѣ тотъ или другой изъ служащихъ, и если на работѣ, то онъ прямо изъ завода идетъ въ его домъ для плотскихъ вожделеній. Слухи же указали и на играющихъ страдательную роль, и вотъ двое изъ нихъ захотѣли провѣрить слухи и накрыли своего начальника тамъ, гдѣ ему быть не слѣдовало. Долго не думая, дали стряску, скрутили руки и связаннаго доставили въ арестантскую. Тамъ кромѣ сторожей никого, обиженные потребовали ключи, затворили Дьяконова въ арестантской, ключи въ карманъ и на дѣло. На завтра является въ контору народъ, служащіе, видятъ прикащика въ арестантской, разломали двери и выпустили. Дѣло вышло черезъ чуръ скандальное, донесли Ипанову, тотъ прискакалъ изъ Усолья съ цѣлію доканать виновныхъ, но смущенный, опускаетъ руки, когда узналъ въ чемъ дѣло. Но всетаки поступокъ изъ рукъ вонъ—подчиненные арестовали своего старшаго начальника—ну конечно сейчасъ же штрафованіе „палочьемъ", а за тѣмъ на ноги кандалы, на шею рогатины и въ работу. Донесли Кандалин-

цеву съ предложеніемъ сдать виновныхъ въ первый же наборъ рекрутами. Ипановъ однако чувствовалъ, что поступилъ несправедливо, да жаль и служакъ, подающихъ надежды и вотъ онъ снова пишетъ, что де сдать въ рекруты всегда успѣю если будутъ негодяями, но что де они очень грамотны, а за каждаго ученаго двухъ неучей дадутъ, то не подождать ли сдачей ихъ въ рекруты. А будущіе рекруты едва ноги волочатъ, наслаждаясь семейнымъ счастьемъ съ своими молодыми женами въ кандалахъ и рогатинахъ съ побрякушками. Оба были недалѣе какъ съ полгода женаты. Скоро однако получился и отвѣтъ Кандалинцева на первое представленіе—немедленно освободить отъ оковъ и рогатинъ, опредѣливъ виновныхъ на плохонькую службишку. Рекрутчина на заводахъ Лазарева, да кажется вездѣ, была въ то время самымъ страшнымъ наказаніемъ. Солдатская служба тогдашняго времяни была если не вѣчна, то и некратковременна и въ отставку выпускали тогда, когда во рту неоставалось почти ни одного зуба........................

....

Помѣщики ради мелкихъ расчетовъ, чтобъ недать такому калѣкѣ клочка земли, не пускали въ свои деревни солдатъ, а если и пускали, то на попеченіе и въ домъ родныхъ, если еще таковые оставались. По этому всѣ, кому предстояла рекрутчина, пускались на всѣ возможныя продѣлки, чтобы только увильнуть отъ солдатчины и въ виду этого трудно было установить при наборѣ и сдачѣ рекрутъ какой нибудь порядокъ. Вездѣ въ это время царила анархія и на рекрутъ дѣлали облавы, какъ на пушнаго или дикаго звѣря. Обыкновенно какъ только объявятъ наборъ, то всѣ подходящіе въ рекруты пускаются въ бѣга, кончился наборъ—всѣ снова возвращаются домой. У Лазарева сдачей рекрутъ завѣдывалъ Ипановъ, опытный въ этомъ дѣлѣ, но и тотъ иной разъ не зналъ, что дѣлать. Все искусство сдатчика состояло въ томъ, чтобы сдать полное количество рекрутъ и чтобы избѣжать придирокъ при сдачѣ. Бывали случаи, что изъ сот-

ни представленныхъ рекрутъ принимали не болѣе пятнадцати, а остальныхъ браковали, и ужъ тогда хватали перваго встрѣчнаго и сдавали, будь у него очередь или нѣтъ. Произволъ былъ полный, но онъ былъ вызываемъ тѣми условіями, какими облечено было рекрутское присутствіе. Впослѣдствіи Ипановъ повелъ дѣло иначе и всѣхъ дебошировъ и намѣченныхъ въ солдаты, сдавалъ заблаговременно въ зачетъ будущаго набора и дѣло обходилось гладко, а законъ допускалъ эту мѣру. Въ ноябрѣ 1780 г. Ипановъ писалъ Кандалинцеву по поводу сдачи рекрутъ: „изъ с. Рождественскаго посланы были староста съ двумя человѣками за сыскомъ и поимкою шатающихся въ побѣгахъ, при Ягошихинскомъ заводѣ, онаго села крестьянина Афросима Вяткина съ четырьмя возрастными сыновьями и изъ коихъ одинъ былъ пойманъ и скованный повезенъ. Отъѣхавъ отъ онаго завода 18 верстъ нагналъ на нихъ на лошадяхъ помянутый Вяткинъ съ оставшими дѣтьми и съ ними одного же села крестьянинъ Григорій Якимовъ съ сыномъ (всего) шесть человѣкъ съ имѣвшими у себя луки, стрѣлы и рогатины, означеннаго пойманнаго отбили и при отбитіи старосту рогатиною тыкали, но поелику и они были имъ противны, но какъ ихъ трое, то противъ шести упорствовать не могли, а только Богъ ихъ сохранилъ, не ранили, но кафтанъ на старостѣ рогатиной прокололи, почему я нынѣ будучи въ Ягошихѣ во первыхъ навѣдывался тайно гдѣ они такіе плуты живутъ, и слышалъ что всѣхъ видали при томъ заводѣ жители послѣ онаго озорничества. Испрося ночнымъ временемъ отъ частнаго смотрителя солдата и четверыхъ казаковъ, старался сыскать, но никакъ немогъ, однако оставилъ послѣ себя человѣка, приказалъ тихимъ образомъ навѣдаться и испрося команду какъ можно изловить и уповаю что будутъ они переловлены нынѣ же. Будучи въ Кунгурѣ (гдѣ сдавали рекрутъ) хотя бы за сыномъ ихъ можно испросить и послать изъ провинціи команду, но какъ они уже попадутъ въ канцелярію, то за снарядный съ луки,

стрѣлы, и рогатины отбой осуждены будутъ тяжко, то дабы того освободиться если они пойманы мною отъ частнаго смотрителя получены будутъ, то я мнѣніе положилъ изъ нихъ двоихъ холостыхъ отдать въ рекруты, а женатыхъ и съ отцами оштрафовать на тѣлѣ нещаднымъ наказаніемъ, заковать въ ножные кандалы, на шеи *заклепать* рогатины, отдать въ заводскую *тяжкую* работу для усмиренія на мѣсяцъ, а по прошествіи того, такъ какъ они неимѣютъ хлѣбопашества, а за недостаткомъ въ заводѣ работниковъ опредѣлить на Чермозскій заводъ въ вѣчное переселеніе". Здѣсь Ивановъ боялся, что за вооруженное сопротивленіе будутъ судить общимъ судомъ и сошлютъ въ каторжную работу и ужъ никоимъ образомъ рекрута не зачтутъ. Если крестьяне оказывали вооруженное сопротивленіе, то они полагали, что всетаки лучше быть въ ссылкѣ въ Сибири, чѣмъ идти въ солдаты, но бывали случаи и хуже.

27 августа 1787 г. былъ объявленъ указъ о наборѣ и вслѣдъ объявляется и второй наборъ, такъ что пришлось брать по десяти человѣкъ съ тысячи душъ. Дѣло необычное, всѣ завыли. Тутъ квитанціями или зачетомъ отдѣлываться было трудно. Лазаревъ разрѣшилъ выдавать ссуды на покупку квитанцій, но квитанціи были дороги, народъ бросился въ бѣга. Въ Яйвенскихъ деревняхъ намѣтили сдать въ рекруты крестьянина Ѳедора Лоскутова отъ отца и трехъ братьевъ. Староста и смотритель знали, что парня добромъ не взять, снарядили команду изъ двѣнадцати человѣкъ и ночью домъ оцѣпили. Въ домѣ рекрута не оказалось, кинулись искать, видятъ заперта баня—къ ней. Отворяй Ѳедюнька?

Низачто!

Все равно не отвертишься, сдавайся добрымъ порядкомъ.

Не подходи, убью: у меня и коса и рогатина, на! смотри... и тычетъ рогатиной въ окно. Кинулись на баню, раскрыли часть потолка—выходи! Парень нейдетъ. Начали разбирать потолокъ, а рекрутъ взялъ да и поджогъ его, но

кто то успѣлъ схватить его за руку, закричалъ, но сейчасъ же и свалился, парень всадилъ ему въ бокъ рогатину. Едва брызнула кровь, дѣло приняло другой оборотъ. Команда съ остервененіемъ кинулась въ баню, рекрутъ закричалъ о помощи, отецъ и братья кинулись на выручку, кто съ вилами, кто съ топорами и свалка вышла настоящая. Команда однако побѣдила, но пока шла свалка, баня разгорѣлась совершенно. Тогда только рекрутъ опомнился и заявляетъ, что онъ былъ въ банѣ не одинъ, кинулись туда и изъ огня вытаскиваютъ угорѣлаго обозженнаго парня, тоже подлежащаго сдачѣ. Кинулись за водой, давай отваживаться, но парень въ страшныхъ мученіяхъ тутъ же померъ. Когда сообщили уведенному рекруту, что его товарищъ умеръ— тотъ спрашиваетъ—а остальные? Снова давай растаскивать головни, разобрали все до основанія и въ угляхъ къ общему ужасу находятъ еще трупы двоихъ—родныхъ братьевъ!... Да, люди предпочли сгорѣть, чѣмъ выдать себя хотя однимъ звукомъ или движеніемъ. Это было 20 октября 1787 г. Ипановъ донося объ этомъ пишетъ—„вотъ какіе хлопоты и сущія бѣды!“

VI.

Покупая имѣніе, Лазаревъ отлично понималъ, что придется потратить много труда и расходовъ прежде, чѣмъ имѣніе будетъ составлять его безспорную собственность, оформлено, ограничено, послѣ чего онъ могъ бы считать себя спокойнымъ и заняться внутреннимъ устройствомъ имѣнія. Ипановъ своимъ практическимъ умомъ рѣшилъ впередъ всѣ могущіе возникнуть споры, взвѣсилъ всѣ данныя и неторопился дѣломъ. Если при владѣніи Строгоновыхъ, какъ уже было сказано выше, и возникали между владѣльцами споры, то они устранялись на домашнемъ совѣтѣ. Вступленіе Всеволожскаго въ кругъ этихъ отношеній также не измѣнило дѣла, во первыхъ потому, что самъ-то Всеволожскій мало интересовался своимъ дѣломъ, а во вторыхъ права Строгоно-

выхъ некому было и защищать, такъ какъ всѣ хлопоты и заботы управленія были направлены къ изысканію денегъ для владѣльцевъ, а споры же требовали денегъ и денегъ. Со вступленіемъ же Лазарева въ права владѣльца части Строгоновскаго имѣнія, отношенія между владѣльцами измѣнились и усложнились. Всеволожскаго и Лазарева не связывали никакія отношенія какъ между собой, такъ и по отношенію къ роду Строгоновыхъ, и слѣдовательно въ случаѣ спора и столкновенія нечего было расчитывать на уступки. Лазаревъ требовалъ отъ Ипанова немедленнаго начатія постройки завода на Лытвѣ или Кизелѣ, но Ипановъ категорически заявилъ, что при всемъ его желаніи, приступить къ постройкѣ нельзя, такъ какъ вслѣдъ за первымъ срубленнымъ деревомъ послѣдуетъ споръ, который будетъ только тормозить дѣло, а что лучше всего осмотрѣться, подготовить дѣло къ спору и уже потомъ строить. Такъ какъ дача Вильвенскихъ деревень была общей и на ней жили крестьяне княгини Шаховской и прочихъ владѣльцевъ, то Ипановъ прежде всего рѣшился на размѣнъ этихъ крестьянъ, чтобъ, такъ сказать, фактически оставить за Лазаревымъ всѣ поселенія, слѣдовательно и мѣстность. Затѣмъ предложилъ Лазареву устроить на окраинахъ этой громадной площади поселенія, которыя впослѣдствіи съиграли роль пограничныхъ столбовъ и на первый же разъ поставилъ поселеніе на р. Косьвѣ при впаденіи въ нее р. Няра,—якобы для того, чтобы здѣсь строить барки и возить руду, что впослѣдствіи и было тамъ установлено. Но главная цѣль этихъ поселеній была роль пограничныхъ столбовъ, т. е. Ипановъ въ этомъ дѣлѣ шелъ той же дорогой, какъ и Строгоновы при исходатайствованіи грамотъ на земли. На такія дѣйствія Ипанова никто не обращалъ вниманія, никому въ голову не приходила мысль, что затѣвается громадное дѣло. Въ Кизелѣ же въ это время шли усиленныя развѣдки рудниковъ, чтобы подготовить обезпеченіе рудами, какъ существующій Чермозскій заводъ, такъ и

будущій Кизеловскій. Лазаревъ былъ недоволенъ медлительностью Ипанова, требовалъ немедленно приступить къ увеличенію выдѣлки желѣза, просилъ Ипанова хлопотать о постройкѣ второй домны въ Чермозскомъ заводѣ, что представляло массу хлопотъ и затрудненій. Ипановъ отвѣчалъ, что безъ рудъ обезпечивающихъ дѣйствіе второй домны правительство не разрѣшитъ постройки, что пойдутъ осмотры рудниковъ, соображенія и всевозможныя формальности; все это лишь затянетъ дѣло, тогда какъ выходъ можно найти проще—т. е. немедленно же приступить къ постройкѣ домны, а къ тому де времени отыщутся и руды. Такъ и было поступлено. Ипановъ, подготовивши дѣло, подалъ просьбу, что существующая домна въ Чермозскомъ заводѣ плоха, представляетъ опасность для правильнаго и безостановочнаго дѣйствія, вслѣдствіе чего и въ случаѣ остановки правительство не получитъ той подати съ чугуна, какую могло бы получить при безостановочномъ дѣйствіи и проситъ разрѣшить постройку второй домны безъ остановки дѣйствія первой, на что и получилъ разрѣшеніе. Работа закипѣла и 12 ноября 1781 года пущена была въ Чермозѣ вторая домна. Подготовивъ же въ Кизеловскомъ рудникѣ достаточное количество рудъ и развивъ тамъ работы, уже легко было доказать, что рудники обезпечатъ дѣйствіе и второй домны. На одновременный пускъ второй домны также испрошено было разрѣшеніе и Чермозъ считался заводомъ съ двумя домнами. Къ 1783 г. въ Чермозѣ вмѣсто шести кричныхъ горнъ было двѣнадцать и дѣло постепенно начало развиваться. Знающихъ заводское дѣло людей было мало, тѣ же которые вели это дѣло были забитые, запуганные, и боялись рискнуть для пользы дѣла даже на рубль и Лазареву волей неволей до поры до времени пришлось возложить все на Ипанова, которому онъ какъ технику очень мало довѣрялъ. Ипановъ же, постоянно сталкиваясь съ людьми всякихъ профессій, на лету ловилъ всякое дѣльное замѣчаніе, старался примѣнить къ заводскому дѣлу и

впослѣдствіи былъ отлично знакомъ съ заводскимъ дѣломъ, благодаря лишь смекалкѣ и упорному труду. Въ помощь Ипанову для техническихъ работъ Лазаревъ пригласилъ изъ Тулы мастера Якова Макаровича Антюфіева съ сыномъ Яковомъ. Антюфіеву дѣло заводское было знакомо; фамилія ихъ на Уралѣ гремѣла, такъ какъ основатель множества Уральскихъ заводовъ Никита Демидовичъ Демидовъ былъ до измѣненія фамиліи—Антуфьевъ,—Антюфіевъ. Фамиліи мѣнялись и зеленщикъ Елизаветы Петровны Савва Яковлевъ Собакинъ,—сдѣлавшись заводчикомъ, также перемѣнилъ фамилію и именовался уже С. Я. Яковлевъ, а не Собакинъ, потомки коего владѣютъ Верхъисетскими, Алапаевскими и Невьянскими заводами. Лазаревъ назначилъ Антюфіевымъ жалованья по 300 рублей въ годъ, а Ипановъ получалъ 350 рублей въ годъ. На обязанности Антюфіевыхъ лежало наблюденіе и отвѣтственность за качествомъ металловъ и за расходомъ горючаго. Ожидая найти хорошіе лѣса и готовить для выдѣлки желѣза плотный древесный уголь, Антюфіевъ ошибся, такъ какъ лѣса состояли по преимуществу изъ перестойныхъ и полусгнившихъ елей и пихтъ, изъ которыхъ хорошій уголь было трудно получить и въ силу этого дѣло усовершенствованій пошло туго. Лазаревъ же, посылая Антюфіевыхъ, писалъ правленію, что свои люди ничего не знаютъ и въ виду этого онъ и нанялъ такихъ, которые поставятъ дѣло на ладъ. Такое заключеніе было обидно для правленія и Антюфіева приняли холодно, и изрѣдка писали въ пику, что все де еще пока только ждутъ хорошихъ результатовъ, да вѣрно и не дождутся. Антіофіевъ простой въ душѣ человѣкъ, на глаза не лѣзъ, дорогу никому не загораживалъ, такъ, что вскорѣ его полюбили всѣ. Даже Ипановъ, который вообще держалъ себя осторожно, полюбилъ старика всей душой и послѣ всегда спрашивалъ его совѣтовъ. Лазаревъ однако замѣчаніями правленія о дѣятельности Антюфіева обидѣлся и написалъ что въ такомъ случаѣ пошлетъ такого, который

сдѣлаетъ дѣло не обращая никакого вниманія на правленіе и дѣйствительно послалъ англичанина Осипа Самойловича (Іосифъ Самуилъ) Гиль. На какихъ основаніяхъ былъ приглашенъ Гиль, Лазаревъ не сообщилъ правленію и спустя уже нѣкоторое время было заключено съ Гилемъ условіе, въ силу котораго онъ получалъ ежегодно по 3000 рублей въ годъ при готовомъ содержаніи, а если прослужитъ пять лѣтъ, то еще получаетъ единовременно 5000 рублей. На обязанности его лежала исключительно только техническая часть завода. Приглашая на службу Гиля, Лазаревъ далъ ему понять, что отъ него зависитъ заслужить и большее и что онъ расчитываетъ на него и въ будущемъ, такъ какъ на заводахъ никого нѣтъ, кто бы понималъ заводское дѣло. Правленіе обязывалось оказывать Гилю всякое содѣйствіе. Гиль полагалъ, что ѣдетъ на благоустроенные заводы, но явившись увидалъ совсѣмъ другое. Онъ былъ не болѣе какъ хорошій машинистъ, но тутъ требовался и техникъ и организаторъ. Къ тому же онъ былъ совершенно незнакомъ съ доменнымъ дѣломъ, но выковку желѣза всетаки хоть поверхностно зналъ. Поэтому съ перваго же шага притихъ, въ дѣло ему незнакомое не вмѣшивался, а чтобъ имѣть предлогъ оправдаться, что дѣло ему пока не дается вслѣдствіе занятій другимъ, началъ сочинять всевозможные проекты перестроекъ плотинъ, шлюзовъ, ларей и т. п., а отъ заводскаго дѣла какъ бы отшатнулся, изучая его издали. Ипановъ сразу смекнулъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и намеками далъ понять Лазареву, что въ способностяхъ Гиля онъ ошибся. Тотъ понялъ намекъ, пишетъ опять, что кого де вамъ не пошли всѣ будутъ плохи, сами же ничего не понимаете. Въ это время Ипановъ воспользовался свободнымъ временемъ, осмотрѣлъ тщательно мѣста для постройки завода и окончательно въ выборѣ своемъ остановился на р. Кизелѣ. Пригласивъ затѣмъ Оханжанова, Антюфіева и Гиля—онъ на мѣстѣ объяснилъ имъ всѣ преимущества выбраннаго имъ мѣста постройки завода не на Лытвѣ, а

на Кизелѣ у самыхъ рудниковъ, съ чѣмъ тѣ вполнѣ и согласились представивъ дѣло на рѣшеніе Лазарева, который и утвердилъ представленіе Ипанова. Нужно было приступать къ постройкѣ завода. Какъ ни осторожно велъ дѣло Ипановъ, но о его поѣздкѣ для осмотра мѣстъ сдѣлалось извѣстно и управленіе Всеволожскаго, узнавъ что Ипановъ избралъ для постройки завода Кизелъ, рѣшилось предупредить его и 12 сентября 1783 г. приступили къ расчисткѣ мѣста для завода на р. Лытвѣ. Тутъ нужно было впередъ только заложить заводъ и тогда постройку завода ближе 25 верстъ не разрѣшили бы и Ипановъ могъ проиграть дѣло. Не ожидая распоряженій Лазарева, Ипановъ немедленно же представилъ въ судъ оба разрѣшенія, данныя покойнымъ Николаю Григорьевичу и Григорію Николаевичу Строгоновымъ на постройку завода права, которыхъ пріобрѣлъ покупкою Лазаревъ, прося въ то же время немедленно запретить Всеволожскому постройку завода. Предупредивъ такимъ образомъ выдачу дозволительнаго свидѣтельства на постройку завода Всеволожскому, Ипановъ немедленно же приступилъ къ расчисткѣ мѣста для завода на р. Кизелѣ и въ наступившую зиму успѣлъ вывести весь лѣсъ необходимый для построекъ, заготовилъ тамъ провіантъ, фуражъ и сѣно, однимъ словомъ подготовилъ все, чтобы лѣтомъ приступить въ полной силѣ къ сооруженію плотины, зданій и проч. Всеволожскому же была запрещена по просьбѣ Ипанова какъ рубка лѣса, такъ и постройка.

Весной пріѣхалъ въ имѣніе Лазаревъ съ женой и сыномъ и Ипанову было уже не до постройки Кизеловскаго завода. Дѣло постройки пріостановилось и Ипановъ былъ занятъ совершенно другими дѣлами, не касающимися заводовъ.

....

....

....

....

По пріѣздѣ въ Пермское имѣніе Лазаревъ прежде всего осмотрѣлъ соляные промысла и Чермозскій заводъ, коимъ остался вполнѣ недоволенъ, а именно ничтожностью его производительности и первобытнымъ устройствомъ фабрикъ и механизмовъ. Затѣмъ онъ занялся устройствомъ быта крестьянъ и тутъ не довѣряя Ипанову во все входилъ лично до мелочей и на мѣстѣ творилъ судъ и расправу, показывая тѣмъ примѣръ, какъ нужно управлять крестьянами. Между поданными ему просьбами была одна изъ с. Дмитріевскаго, въ коей крестьяне жаловались на бурмистра. Лазаревъ приказалъ собрать справки, провѣрить просьбу и затѣмъ, по полученіи всѣхъ данныхъ, постановилъ свое рѣшеніе. Вотъ оно дословно. „6 іюня 1784 г. с. Дмитріевскаго земской избѣ и всѣмъ крестьянамъ. По прошенію Никифора Мокрушова справиться въ томъ, что въ прошломъ 1783 году съ желѣзнаго каравана онъ, Мокрушовъ, въ свое жительство въ іюлѣ мѣсяцѣ котораго числа возвратился и прежде ли того 20 іюля или послѣ, буде же прежде, то изъ насѣвнаго бурмистромъ Поносовымъ собственнаго его озимоваго хлѣба отвесть просителю Мокрушову изъ сжатаго полдесятины за то, что онъ Поносовъ его просителя въ просьбѣ проволочилъ, а неудовольствовалъ, а буде помянутый Мокрушовъ послѣ Ильина дня въ домъ свой возвратился, и посѣять ему озимоваго въ то время было не можно, въ такомъ случаѣ Мокрушову отказать. Елико-жъ принадлежитъ по просьбѣ дошедшей отъ выборнаго старосты съ депутаты и со крестьяны на Поносова во взяткахъ, въ непорядочныхъ пьянственныхъ поступкахъ, въ проволочкѣ по просьбамъ просителей, то какъ на первое въ помянутыхъ взяткахъ съ крестьянъ съ сорока одного человѣка 42 рублей 55 коп. хотя онъ и запирался, но изъ числа оныхъ восемь человѣкъ самолично уличали его дачею и имъ отъ нихъ полученіемъ денегъ, а девятый Яковъ Тенинъ сказалъ будто бы онъ показаннаго прежде имъ въ иску одного рубля невыдавалъ, а написано кромѣ его и въ томъ

въ разсужденіи отданнаго ему Поносовымъ покоса вѣрить нельзя, а потому оному Поносову противъ всѣхъ вѣрить нельзя пе можно и тѣмъ онъ долженъ быть обвиненъ, а по тѣмъ оныхъ крестьянъ уликамъ и въ прочемъ, означенный Поносовъ правъ быть не можетъ же, за что подлежитъ, а при томъ и за то, что ввѣренное судомъ и расправой крестьянство не могъ содержать и между ими судомъ и расправой распоряжать порядочно, при собраніи просителей со крестьяны быть наказанъ, но то наказаніе изъ одной великодушной ко всѣмъ и ему Поносову милости оставляется, но дабы впредь о томъ другіе вѣдали и чинить того не отважились, отъ дѣлъ его отрѣшить и за непорядочное управленіе возложенной на него должности и за невоздержное его житье и чинимыя другимъ обиды, въ наказаніе на одинъ мѣсяцъ наложить ему на шею цѣпь и впредь въ собраніе мірское въ совѣтъ не допущать, а на мѣсто его опредѣлится отъ правленія моего другой, кто за способнѣе избранъ будетъ. За дѣтей же его какъ подушные деньги за прошлые годы были каждогодно, равно и оброчные по мірскому окладу взыскать и записать въ мірскія книги въ приходъ. А крестьяне тѣ, кои взятки Поносову давали, равно также какъ бы и Поносовъ должны быть всѣ наказаны: но и имъ то наказаніе оставляется, а вмѣсто того лишить ихъ въ искѣ (съ Поносова) права, потому что уже чрезъ четыре года назадъ тому нигдѣ никакой не имѣли просьбы и для того объявить всѣмъ крестьянамъ, чтобъ впредь никакими взятками дарить никого не отваживались подъ неупустительнымъ наказаніемъ“.

Былъ еще случай когда Лазаревъ являлся въ роли судьи, но это было годомъ позже, а именно по поводу безобразій караваннаго прикащика Мохнаткина. Вотъ рѣшеніе Лазарева отъ 22 февраля 1785 года. „Въ прошломъ 1784 году на солянной мой караванъ опредѣленъ былъ правленіемъ караваннымъ изъ служителей моихъ Семенъ Мохнаткинъ, который и довелъ весь караванъ въ Нижній Новгородъ

благополучно и по выбойкѣ соли отдалъ надлежащій отчетъ, который и мною уже полученъ. И за всю его Мохнаткина при караванѣ бытность и благополучное доставленіе до мѣста, а какъ многимъ караванамъ былъ потопъ, а мой по милости Божеской сохраненъ, то считаю справедливымъ, сверхъ харчевыхъ отъ каравану Мохнаткину произведенныхъ и промысловаго жалованья выдать ему въ награжденіе сто рублей и подъячему Никитѣ Десятову тожъ въ награжденіе сорокъ рублей, о чемъ имъ въ правленіи и объявить при собраніи другихъ находящихся при должностяхъ служителяхъ, что за всякое исправное и приличное стараніе не оставлю безъ моего разсмотрѣнія и справедливаго награжденія; напротивъ чего и проступковъ я терпѣть не могу и равно за ихъ приказываю наказывать.

А какъ Мохнаткинъ по приводѣ каравана въ Нижнемъ жилъ весьма невоздержно и распутно, что доходило до свѣдѣнія моего отъ посторонныхъ людей, а на послѣдокъ бывшій у него подъячій въ разныхъ обидахъ и притѣсненіяхъ моимъ крестьянамъ и въ похищеніи моего интересу учинилъ доносъ, на который хотя Мохнаткинъ и дѣлалъ свои объясненія на показанія Десятова, а потомъ и подтвердительныя выписки удостовѣряютъ меня въ его напрасныхъ въ выдачу показаніяхъ и въ похищеніи моего интересу, а притомъ Бушуева письмо мнѣ столько же непріятно какъ и похищеніе, доводятъ меня до того, что я сколько имѣлъ здѣсь бумагъ къ оному принадлежащихъ прилагаю при семъ съ нихъ копіи и строжайше подтверждаю: дѣло сіе изслѣдовать по сущей строгости и справедливости, а какъ необходимо долженъ быть въ ономъ изобличенъ Мохнаткинъ, то по приведеніи сего слѣдствія въ настоящую ясность представить ко мнѣ на разсмотрѣніе, а между тѣмъ Мохнаткина какъ будетъ изобличенъ опредѣлить въ работу, куда вы удобнѣе признаете, чтобъ таковаго строгостью истребить злоупотребленія. Удержанные же имъ у работниковъ и служителей, изъ опредѣленныхъ въ награжденіе вычесть и доста-

вить кому слѣдуетъ, а равно и похищенныя у меня. Чего-жь въ то доставать не будетъ, то конфисковавъ его имѣніе и изъ продажи онаго получить въ мою сумму. А ему впредь положеннаго жалованья не выдавать до моего объ немъ предписанія".

Бушуевъ писалъ Кандалинцеву, о вѣсахъ, которые взялъ Мохнаткинъ и не возвратилъ и между прочимъ добавилъ «не слѣдъ давать повода безпутствовать Мохнаткину, такъ какъ цѣлый Нижній удивилъ онъ своими мерзкими поступками, о чемъ, дескать, и кромѣ меня надѣюсь довольно знать изволите. Обвиненія же Десятова состояли въ невыдачѣ денегъ рабочимъ, но выписанныхъ въ расходъ что и подтверлилось. Также въ с. Богородскомъ командующему офицеру съ командой выписано въ расходъ пять рублей, а деньги выданы не были; что за размѣнъ 1500 руб, ассигнацій на мѣдныя получилъ по 2 коп. съ рубля и ихъ незаписалъ на приходъ (тогда платили по 2% за обмѣнъ мелкихъ на крупные). Мохнаткинъ съ своей стороны утверждалъ, что денегъ за размѣнъ не получалъ, а офицеру далъ соболя и штофъ французской водки—что составитъ тѣ же пять рублей. Что въ то время разные чины довольствовались штофомъ водки—не рѣдкость. Изъ одного документа видно, что при запорядѣ рабочихъ для каравана въ Вятской губерніи платилось: при полученіи изъ присутственныхъ мѣстъ паспортовъ заплачено 147 руб. 74 коп.; при пропускѣ оныхъ рабочихъ на полицейскую команду 39 р. 16 коп.; при рядѣ работниковъ на вино 9 руб.; на почтеніе же присутствующихъ и приказныхъ служителей: губернатору сахару на 4 р. 80 к.; коменданту сахару на 4 р. 40 к., полиціймейстеру сахару на 4 р., въ городѣ Орловѣ и Котельничѣ четыремъ судьямъ сахару на 16 р.; въ г. Слободскомъ городничему сахару на 4 р. 40 к., для почтенія-жъ приказныхъ служителей на напитки 13 р. 50 к. Чрезъ полгода слѣдствіе о Мохнаткинѣ и опросъ рабочихъ окончепъ, Мохнаткинъ былъ обвиненъ въ воровствѣ и обсчитываніи рабочихъ за что и отданъ былъ въ работу.

Въ имѣніи Лазаревъ пробылъ съ марта и до іюля 1874 г. занимаясь главнымъ образомъ устройствомъ быта своихъ крестьянъ и кромѣ того частными дѣлами не касающимися непосредственно имѣнія, какъ напр. дѣломъ о перевозкѣ мѣдной монеты и другими. Это была лучшая пора его дѣятельности и въ это же время онъ велъ съ Чернышевымъ переговоры о покупкѣ Хохловскаго завода. Внѣшняя переписка также отнимала много времени и изъ имѣнія постоянно скакали курьеры въ Петербургъ и Москву. Лазаревъ не пропускалъ ни одного случая поздравить сильныхъ міра или съ полученной наградой, или же съ днемъ ангела, какъ-то: Потемкина, Вяземскаго, Чернышевыхъ и другихъ, фамилій которыхъ на письмахъ нѣтъ кромѣ титуловъ и имени. Во все его пребываніе дѣла въ имѣніи, какъ было выше сказано, шли вяло, всѣ заняты были личными дѣлами Лазарева, справками и объясненіями по подаваемымъ просьбамъ, но лишь только уѣхалъ Лазаревъ, Ипановъ развернулся и съ новой энергій принялся за Кизелъ. Съ разрѣшенія Лазарева Ипановъ пригласилъ для окончательнаго выбора мѣста подъ плотину плотиннаго мастера Рычкова изъ Нижняго Тагила, который явившись въ Кизелъ осмотрѣлъ выбранное Ипановымъ мѣсто, но призналъ его неудобнымъ, такъ какъ берега были просѣчены ключевинами, осушить которыя не представлялось возможности. Плотину заложили ниже и хотя и здѣсь оказались ключи, но канавами и шурфами добрались, что вода была верховая. Работы по постройкѣ плотины продолжались съ конца августа до октября. 17 августа 1784 г. умеръ совѣтникъ Ипанова Яковъ Макаровичъ Антюфіевъ отъ горячки и Ипановъ лишился отличнаго друга и помощника. Въ Чермозѣ тогда еще церкви не было, поэтому и похоронили Антюфіева въ Усть-Косьвенскомъ селѣ у церкви. Узнавъ о смерти Антюфіева Ипановъ выѣхалъ въ Чермозъ и оказалъ покойному всѣ почести приличныя времени и положенію. Осенью 1784 года Ипановъ занялся вновь купленнымъ Хохлов-

скимъ заводомъ, и закрывъ мѣдиплавиленное производство, быстро приступилъ къ перестройкѣ его на желѣзодѣлательный, такъ что къ 1 января 1785 г. заводъ былъ пущенъ на выковку желѣза при шести кричныхъ горнахъ. Организаторскія способности Ипанова были замѣчательны. Едва было получено увѣдомленіе о покупкѣ этого завода, у него одновременно заготовляются части машинъ для перестройки, заготовка чугуна и ни за чѣмъ нѣтъ остановки. Поручая Ипанову постройку Кизеловскаго завода Лазаревъ, могъ быть совершенно спокоенъ за успѣхъ дѣла, но Ипанова отвлекали приказныя дѣла и поглощали большую часть времени. Тѣмъ не менѣе личный взглядъ Лазарева былъ не въ пользу Ипанова и если онъ дорожилъ имъ до поры до времени, то потому только, что лучше Ипанова дѣльца трудно было найти, а во вторыхъ еще и потому что Ипановъ былъ безусловно честный человѣкъ. А при такихъ дѣлахъ, какіе велъ Ипановъ честность играла громадное значеніе. Каждый шагъ въ какую нибудь канцелярію оплачивался, иначе не получить ни какого рѣшенія. Даже тамъ, гдѣ кажется немыслимы были никакіе поборы—на все была положена такса. Сдача подушныхъ напр.: податей оплачивалась сборомъ по 2 копѣйки съ рубля, сдача десятинной мѣди по 20 копѣекъ съ пуда и вездѣ такъ. Лазаревъ зналъ, что трудно вести дѣла, но ему все казалось, что медленность эта зависитъ отъ Ипанова за что и донималъ его, указывая что изъ Петербурга де по такому-то дѣлу предписано въ Пермь исполнить, но что де тебѣ лѣнь даже объ этомъ справиться. Однако дѣло шло далеко не такъ, какъ воображалъ Лазаревъ. Ипановъ резонно отвѣчалъ ему что «хотя де съ высоты громъ и сильно гремитъ, но правосудіе не дешевѣетъ, а время отъ времени становится дороже, которой дороговизны причиной дѣла собакъ Собакиныхъ (заводчиковъ Яковлевыхъ), кои не желаютъ въ одни руки давать по десяти тысячъ рублей—вотъ какъ они грызутся, готовы хоть до рукъ положенія!»

VII.

Въ пріѣздъ Лазарева въ имѣніе зашелъ разговоръ о женитьбѣ Ипанова. Ипановъ откровенно высказалъ Лазареву, что онъ давно думалъ о женитьбѣ, но что при его 35 лѣтахъ вопросъ этотъ является далеко не такимъ простымъ и онъ ищетъ въ женѣ не только подругу жизни, но также умнаго и добраго совѣтника. Что наконецъ у него и есть такая на примѣтѣ, но бракъ съ ней невозможенъ потому, что она вдова крѣпостнаго служителя княгини Шаховской и имѣетъ двоихъ маленькихъ сыновей, а какъ съ управленіемъ княгини Шаховской ведется споръ о земляхъ, то понятно никогда не сдѣлаютъ одолженія, такъ сказать, противной сторонѣ, или же потребуютъ уступокъ по спорному дѣлу. И дѣйствительно споры между владѣльцами о земляхъ переходили почти въ личную вражду между управляющими и Ипанову отъ управленія княгини Шаховской нечего было ждать милостей, если вопросъ этотъ не будетъ рѣшенъ владѣльцемъ. Опекуномъ княгини Шаховской былъ Борисъ Александровичъ Загряжскій, съ которымъ Лазаревъ не былъ знакомъ, слѣдовательно и съ этой стороны помощи ждать было нечего. Однако Лазаревъ обѣщалъ походатайствовать, если представится возможность и тѣмъ разговоръ окончился. ~~Однако~~ Ипанову обѣщаніе Лазарева было лучемъ надежды и мысль о женитьбѣ гвоздемъ засѣла въ мозги. Ипановъ послѣ отъѣзда Лазарева пишетъ Кандалинцеву напомнить Лазареву его обѣщаніе и недождавъ отвѣта написалъ объ этомъ Лазареву. Пока тянулась переписка, Ипановъ переживалъ тяжелое время. Онъ не вѣрилъ въ успѣхъ ходатайства Лазарева, но и не терялъ надежды, а засѣвшій гвоздь шевелилъ мозги и не давалъ ему покоя. «Весь мой умъ уходитъ къ моей невѣстѣ, писалъ онъ, а время такое, что на дѣло своего ума не хватаетъ и нуженъ и ее умъ». Дѣла по спорамъ запутывались, въ заводахъ тоже хорошаго было мало, надо было вездѣ смотрѣть и

всюду поспѣть, а тутъ еще женитьба. Лазаревъ наконецъ отвѣтилъ, что писалъ Загряжскому и ждетъ отвѣта. Затѣмъ въ слѣдующемъ письмѣ пишетъ: „скажу тебѣ то, что принадлежитъ до твоей надобности и собственнаго твоего покою, просилъ ты меня при отъѣздѣ и послѣ того чрезъ письма чтобъ Его Превосходительство Бориса Александровича Загряжскаго попросить о женщинѣ, на которой взялъ ты намѣреніе жениться. Я, не будучи съ нимъ знакомъ, единственно для тебя съ нимъ познакомился и пять разъ объ ономъ просилъ. Онъ и обѣщалъ, но удерживало его то, что у этой женщины почитаютъ не малый достатокъ и чтобъ ему не навести на себя нареканія, о чемъ я съ нынѣшнею почтою ему писалъ, съ тѣмъ чтобы онъ о имѣніи ее сдѣлалъ какія угодно предосторожности, но только-бъ далъ позволеніе, а я надѣюсь что ты жениться хочешь не на деньгахъ, а на человѣкѣ, съ которымъ вѣкъ свой препроводить должно. Изъ этого ты видишь сколь я собственную твою надобность помню и имѣю объ ней попеченіе, чтобъ доставить тебѣ спокойствіе. На противу того ты долженъ всѣ мои приказанія и надобности исполнять по самой ихъ точности по ввѣренной отъ меня тебѣ довѣренности и должности, не говоря о томъ, что я надѣюсь отъ тебя не только исполненія моихъ приказаній, но и другихъ угодныхъ мнѣ услугъ и отличаю тебя отъ прочихъ подобныхъ тебѣ“.

Невѣста Иванова была, какъ сказано выше, молодая вдова съ двумя сыновьями мальчиками и Загряжскому сообщили изъ правленія что у ней есть до трехъ тысячъ рублей денегъ. Тотъ приказалъ дать разрѣшеніе на выходъ ее въ замужство лишь тогда, тогда на имя сыновей остающихся крѣпостными кн. Шаховской будетъ внесено въ ея правленіе по тысячѣ рублей на каждаго, каковую сумму съ наросшими процентами и выдать имъ по совершеннолѣтіи. Вдова увѣряла, что у ней ничего нѣтъ. Долго шли переговоры, но наконецъ Загряжскій далъ окончательное прика-

заніе, чтобы тогда только разрѣшили бракъ, когда будетъ внесено по пятисотъ или тысячу рублей за двоихъ, безъ чего онъ не разрѣшаетъ давать согласія. Ипановъ снова обращается къ Лазареву, прося его помощи, тотъ снова пишетъ къ Загряжскому и дѣло кой какъ уладилось. Лазаревъ писалъ къ Ипанову: „въ разсужденіи невѣсты твоей къ Его П—ву Борису Александровичу я писалъ и твое при томъ письмо писанное ко мнѣ приложилъ, а что онъ мнѣ отвѣтствовалъ прилагаю при семъ оригинальное его письмо. Я получа оное еще его письмомъ просилъ, чтобъ далъ рѣшительную свою къ повѣреннымъ резолюцію объ ономъ и думаю, что другой отъ него резолюціи не воспослѣдуетъ какъ и та, что ко мнѣ писалъ. А по сему тебѣ, Ипановъ, и разсудилъ я рѣшительно написать, если невѣста твоя имѣетъ достатокъ, то для дѣтей ея должно требуемую сумму тысячу рублей отдать; если же она ничего не имѣетъ, и ты считаешь себя, что не имѣвъ ее женою не можешь быть ни покоенъ, ни благополученъ, то я для спокойствія твоего предписываю дать отъ имени моего обще съ М. И. Оханжановымъ описанное въ письмѣ Его П—ва Бориса Александровича обязательство, что по пришествіи въ восемнадцатилѣтній возрастъ малолѣтнихъ, оную сумму заплатить, а симъ и рѣшить и участь твою, отъ коей считаешь свое благополучіе и толь долго продолжающуюся переписку». Загряжскій писалъ, что если вмѣсто денегъ дадутъ надежное обязательство, то онъ разрѣшаетъ свадьбу. Однако Ипановъ думалъ иначе, зная по опыту что обязательства владѣльцевъ измѣнчивы и поэтому заручившись подлиннымъ письмомъ Загряжскаго поскакалъ въ с. Мулы, гдѣ находилось правленіе княгини Шаховской къ управляющему Буйневскому, выдалъ тому подписку о выдачѣ съ Оханжановыхъ обязательства и возможно скорѣе поторопился свадьбой, чтобъ успѣть сдѣлать ее до полученія распоряженія Загряжскаго. И онъ былъ правъ. Едва кончилось вѣнчаніе, какъ въ церкви же посолъ отъ Буйнев-

скаго передаетъ Ипанову, что безъ взноса денегъ Загряжскій не разрѣшилъ выдавать невѣсту, и что если Ипановъ не исполнитъ этого, то онъ Буйневскій приведетъ въ исполненіе распоряженіе Загряжскаго силой. Ипановъ заявилъ. что дѣло онъ считаетъ оконченнымъ. Тогда правленіе княгини Шаховской немедленно арестовало имущество невѣсты, а затѣмъ выслало старосту съ народомъ арестовать и молодую. Ипановъ кинулся къ властямъ, кои знали всю суть дѣла и отнеслись къ Ипанову крайне сочувственно. Губернаторъ, Вице-Губернаторъ и Прокуроръ поручились за неприкосновенность невѣсты, но лучше всѣхъ было рѣшеніе коменданта. «Не быть сему дебошу!» и дебоша не было. Буйневскаго немедленно потребовали въ Пермь и разъяснили ему безтактность его поступка, Ипановъ тѣмъ же временемъ постарался съ своей молодой женой ускакать въ Усолье, откуда и выслалъ обязательство въ уплатѣ тысячи рублей чрезъ пятнадцать лѣтъ своимъ пасынкамъ..............

....

....

....

....

....

VIII.

Живя въ Пермскомъ имѣніи, Лазаревъ видѣлъ, что Ипановъ заваленъ дѣломъ и часто такимъ, которое могъ бы исполнить любой подручный, почему онъ и старался облегчить его трудъ. Для этого онъ посылалъ къ нему въ помощь специалистовъ и помощниковъ всевозможныхъ рекомендованныхъ ему лицъ, упуская совершенно изъ виду, что взгляды ихъ на дѣло могутъ совершенно расходиться съ взглядами Ипанова и что Ипановъ при малѣйшемъ сомнѣніи, какъ лицо отвѣтственное, не могъ довѣряться первому встрѣчному, за что Лазаревъ могъ бы жестоко поплатиться. У Лазарева въ этомъ случаѣ просто не хватало догад-

ки—предоставить это дѣло Ипанову и пусть бы онъ выбиралъ кого ему угодно: лишь бы велъ дѣло. Лазареву все хотѣлось дѣлать самому и онъ, втягиваясь въ это, рѣшительно не замѣчалъ, что вмѣсто помощи—ставитъ препятствія и день за день увлекается препирательствами съ своимъ управленіемъ, которое имѣло назначеніемъ соблюдать его же пользу. Онъ невольно становился врагомъ своему дѣлу и всякій намекъ на это принималъ за оскорбленіе. Ипанову оставалось опустить руки и исполнять даже нелѣпыя приказанія Лазарева, но Ипановъ былъ не такой человѣкъ. Онъ готовъ былъ выслушать всѣ упреки, вынести незаслуженныя оскорбленія, но дѣло велъ такъ, какъ требовали того обстоятельства, надѣясь, что владѣлецъ потомъ оцѣнитъ этотъ упорный трудъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Перми, Лазаревъ пригласилъ для наблюденія за постройкой Кизеловскаго завода какого-то чиновника Ромодина, который съ первыхъ же дней принялся мутить дѣло. Едва только Ипановъ двинулъ со всѣхъ деревень рабочихъ на постройку плотины, Ромодинъ шлетъ Лазареву письма, что дѣло прогоритъ, плотину де заложили не на мѣстѣ и т. д. и по этому въ интересахъ дѣла остановилъ всѣ работы. Узнаетъ объ этомъ Ипановъ, снова требуетъ тагильскаго плотиннаго, скачетъ съ нимъ въ Кизелъ, возстановилъ работы, а Ромодина попросилъ выѣхать. Вмѣсто Ромодина Лазаревъ посылаетъ опять какого-то чиновника Пономарева, на коего Ипановъ взглянулъ уже иначе и прямо приступилъ къ экзаменовкѣ въ дѣлѣ построекъ. Этотъ Лазаревскій техникъ откровенно заявилъ Ипанову, что съ дѣломъ онъ совершенно незнакомъ а желалъ бы на старости лѣтъ имѣть какое нибудь хорошо оплачиваемое мѣстечко, для чего и вызвался быть строителемъ, увѣренный что и безъ него дѣло пойдетъ хорошо. Ипановъ, заплативъ ему протори и убытки,—благословилъ на всѣ четыре стороны, увѣдомивъ обо всемъ Лазарева. Вмѣсто Пономарева Лазаревъ пригласилъ уволен-

наго изъ службы Пермскаго земскаго исправника. Это назначеніе окончательно взорвало Ипанова, который не обинуясь пишетъ Лазареву, что только злѣйшій врагъ могъ посовѣтывать Лазареву сдѣлать такую глупость, пригласивъ на службу зятя главно-управляющаго того владѣльца, съ которымъ ведутся тяжбы, и который поступаетъ съ прямою цѣлью дать во время знать, что предполагаетъ дѣлать правленіе Лазарева, чтобы умѣть парализовать всѣ принятыя мѣры. Понятно, что Лазаревъ считалъ себя правымъ, обвиняя во всемъ Ипанова, который будто бы не желаетъ имѣть ни одного человѣка, рекомендованнаго Лазаревымъ. Ипановъ однако не смущался этими замѣчаніями и велъ дѣло къ намѣченной цѣли, успѣвая заглянуть вездѣ, гдѣ было нужно. Лазаревъ былъ недоволенъ медленностью производившихся работъ въ Чермозѣ и требовалъ отъ Ипанова полнаго содѣйствія всякимъ начинаніямъ Гиля, но тотъ всякое вмѣшательство въ свои дѣла считалъ личнымъ оскорбленіемъ и не терпѣлъ даже тѣхъ, кои оказывали ему услуги, но кои въ тоже время такъ или иначе могли раздѣлить съ нимъ его славу какъ предпринимателя или изобрѣтателя. Гиль, зная взгляды Лазарева на Ипанова, старался сбросить всякую опеку и устранить все, что мѣшало его дѣйствіямъ. Молодой Антюфіевъ вслѣдстіе этого переселился въ Кизелъ и Гиль остался полнымъ распорядителемъ Чермозскаго завода. Зимой же Гиль уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ ловко объяснилъ Лазареву неудобство вмѣшательства Ипанова въ его дѣла, потребовалъ полной самостоятельности по Чермозскому заводу, что конечно Лазаревъ и предоставилъ ему, предписавъ Ипанову, чтобъ онъ не смѣлъ вмѣшиваться въ дѣла Гиля, напротивъ оказывалъ бы Гилю всѣ способы къ окончанію перестроекъ, но въ тоже время слѣдилъ бы за кассой, которую однако не довѣрялъ въ полное распоряженіе Гиля. Вернувшись изъ Петербурга, Гиль развернулся на распашку, проявивъ себя и жестокимъ распорядителемъ и сумасброднымъ. Ипановъ обо

всемъ писалъ Лазареву, упоминая и о томъ, что Гиль для потѣхи женитъ мальчишекъ на старухахъ и тому подобное, на что Лазаревъ пишетъ, что „закоренѣлость въ тебѣ одна и пишешь ты только о мерзостяхъ". Между тѣмъ Ипанову же какъ повѣренному приходилось защищать отъ полиціи Гиля за его безобразія, но тотъ платилъ ему за это самой черной неблагодарностію. Успѣхъ Кизеловскаго дѣла зависѣлъ отъ возможно скорѣйшей постройки завода и тогда при рѣшеніи дѣла въ сенатѣ, гдѣ не могли не признать законнаго права Лазарева на постройку, могли лишь признать и право Всеволожскаго, а равно и другихъ владѣльцевъ общей дачи Вильвенскихъ деревень, но при послѣднемъ рѣшеніи пришлось бы заплатить въ пользу Лазарева всѣ затраты употребленные имъ на постройку завода и вотъ на этомъ то основаніи и старались тормозить постройкѣ завода и тѣмъ уменьшить задолженіе Лазарева въ это дѣло. Впрочемъ Ипанову не столько кажется тормозили внѣшніе враги, сколько внутренніе. Гиль при каждомъ удобномъ случаѣ задерживалъ рабочихъ, задерживалъ кузнечныя поковки и чугунныя отливки, необходимыя при постройкѣ завода. Ипановъ жаловался Лазареву, тотъ твердитъ одно: что Гиль правъ, а виноватъ во всемъ Ипановъ. Бывши еще въ Петербургѣ, Гиль измѣнилъ условія своего вознагражденія отъ Лазарева и вмѣсто окладного жалованья договорился получать половину прибылей съ тѣхъ сортовъ желѣза выдѣлку коихъ онъ введетъ въ заводѣ, а именно съ листового и рѣзнаго желѣза, при чемъ всѣ матеріалы отпускать ему по заводской стоимости, и всѣ задолженія въ постройки въ оцѣнку металловъ не вводить. Не имѣя надъ собой никакого контроля, Гиль всѣ матеріалы идущіе не на его сорта желѣза цѣнилъ вдвое и на оборотъ свои удешевлялъ. Въ это время выковка желѣза для сортовъ Гиля шла такъ, что изъ пуда чугуна получался пудъ желѣза. Понятное, дѣло Гиль при такихъ условіяхъ не обращалъ никакого вниманія на Ипанова и объ оказаніи по-

слѣднему вспомоществованія въ постройкѣ Кизеловскаго завода нечего было и думать. На запросы Лазарева о медленности постройки Ипановъ отвѣчалъ, что всѣ его силы и всѣ данныя ему средства направлены для постройки завода, но что нельзя же требовать невозможнаго. Лазаревъ снова пишетъ, что онъ пошлетъ въ Пермь такого человѣка, который и невозможное сдѣлаетъ возможнымъ и весной 1786 г. дѣйствительно прислалъ въ Пермь Кандалинцева. Но тотъ все время посвятилъ разбору всевозможныхъ споровъ и вотчиннымъ дрязгъ, спорамъ о захватѣ людей и лѣто 1786 г. въ виду отвлеченія Ипанова для этихъ дѣлъ прошло для Кизела непроизводительно. Пріѣздъ Кандалинцева имѣлъ впрочемъ и свою долю пользы. Онъ далъ возможность Кандалинцеву лично видѣть, что за гусь любимецъ Лазарева Гиль, хотя всѣ его плутни и промахи Лазаревъ приписывалъ исключительно недосмотру Ипанонова. Съ этого времени дали Ипанову нѣкоторую власть слѣдить за Гилемъ, но Ипанову было уже не до Гиля. Кизеловскій заводъ съ своими громадными затратами поглотилъ все его вниманіе. Споръ о Кизелѣ принялъ такія широкія размѣры, что противники не разбирали средствъ, лишь бы тормозить дѣлу. Довѣренный Строгонова Сѣдовъ публично заявилъ, что застрѣлитъ Ипанова на мѣстѣ постройки и пусть де Лазаревъ сдѣлаетъ основаніе заводу на костяхъ Ипанова. Чтобы лишить Ипанова помощниковъ Сѣдовъ съ управляющимъ Всеволожскаго подаютъ явку въ судъ, обвиняя помощника Ипанова, Якова Я. Антюфіева въ пріемѣ на работу бѣглыхъ крестьянъ Строгонова и Всеволожскихъ. Антюфіевъ отвѣчаетъ, что народомъ онъ не распоряжается, для этого де есть прикащики, а онъ техникъ, однако судъ посылаетъ стражу арестовать Антюфіева, коего и доставили въ Соликамскъ и подъ арестъ. Узнаетъ это Ипановъ, скачетъ въ Соликамскъ на выручку друга, но застаетъ его умирающимъ. Едва Ипановъ успѣлъ вызвать молодую жену Антюфіева, какъ послѣдній умираетъ на

рукахъ своего друга. Судъ того времени былъ страшенъ. Не имѣй подсудимый, будь онъ и правъ, сильнаго защитника—гибель неизбѣжна. Антюфіевъ это зналъ и уступилъ лишь силѣ, но нравственно убитый не вынесъ позора и холодной арестантской камеры, заболѣлъ и быстро сошелъ въ могилу. Ипановъ какъ дитя рыдалъ надъ трупомъ своего задушевнаго друга и помощника, оказалъ женѣ покойнаго, недожидаясь даже разрѣшенія Лазарева, вспомоществованіе въ размѣрѣ годоваго оклада и 50 руб. на выѣздъ въ Тулу, а трупъ друга перевезъ изъ Соликамска въ Усть-Косвенское село и похоронилъ рядомъ съ отцемъ. Просматривая по подлиннымъ дѣламъ жизнь Антюфіевыхъ, невольно скажешь словами Ипанова—„миръ праху вашему, доброй честной души люди, усердные, радѣтельные, безпристрастные и къ дѣлу ревностные!...". —основатели Кизеловскаго завода. Отецъ умеръ, какъ уже было сказано, 17 августа 1784 г., а сынъ Як. Яковлевичъ 17 ноября 1786 года.

При такихъ то условіяхъ приходилось Ипанову вести внѣшнія дѣла и удерживать для неослабнаго веденія дѣлъ должное положеніе, но при этомъ и по имѣнію и заводамъ дѣло было распущено. Со всѣхъ сторонъ шли слухи о мелкомъ воровствѣ, взяточничествѣ, надежныхъ людей было мало, а дѣло разросталось. Отъ повѣренныхъ изъ Перми, Екатеринбурга, Казани и Нижняго люди бѣжали, жалуясь на притѣсненія и наказанія и Лазаревъ за все допекалъ Ипанова, который будтобы посылаетъ къ повѣреннымъ на службу исключительно негодяевъ. Тутъ еще подошли неурожаи и мука вмѣсто 8—10 копѣекъ за пудъ продавалась по 35 коп., а заводы нужно было обезпечивать покупнымъ провіантомъ. Крестьяне были обременены караванными работами, заводскими по выжегу угля, доставкѣ въ заводъ угля, рудъ и проч., а также и высылками на постройку Кизеловскаго завода. Чтобы хоть немного облегчить положеніе крестьянъ, Ипановъ просилъ у Лазарева разрѣшенія нанимать для сплава каравановъ вятскихъ рабочихъ, на что

Лазаревъ несоглашался, но наконецъ необходимость заставила сдѣлать и это, такъ какъ для постройки Кизеловскаго завода народа рѣшительно не доставало. Къ тому же куренныя работы по выжегу угля, вслѣдствіе постоянныхъ дождей, дали очень плохіе результаты и вмѣсто 55 коробовъ, изъ 20 саженной (дровъ) кучи выжгли лишь по 49 коробовъ, вслѣдствіе чего Лазаревъ, желавшій поставить это дѣло на прочное положеніе, разрѣшилъ нанять мастера для выжега угля въ печахъ. Этимъ способомъ дѣйствительно сберегали бы много рабочихъ рукъ, но въ дѣло вмѣшался Гиль, который не хотѣлъ ставить обыкновенныхъ печей Тагильскаго типа, а поставилъ громаднѣйшія печи своего изобрѣтенія, которыя по неравномѣрности распредѣленія въ нихъ жара, дали очень плохіе результаты и печное углежженіе было заброшено чуть не на полсотни лѣтъ. Не смотря на убѣдительныя просьбы Ипанова воспользоваться результатами Тагильскихъ заводовъ, гдѣ маленькія печи давали отличный уголь и работали очень выгодно, Лазаревъ поручилъ это дѣло исключительному вѣденію Гиля, а тотъ прогналъ и мастера. Вмѣсто Антюфіева Лазаревъ приказалъ выбрать кандидатовъ для продолженія работъ въ Кизелѣ и кого изъ нихъ одобритъ Гиль, того и послать. Ипановъ выбралъ Хохловскаго прикащика Чернова, но Гиль послалъ Аѳанасія Подюкова, забулдыгу, коему Ипановъ не довѣрялъ, поэтому какъ бы въ помощь послалъ и Чернова, какъ человѣка вполнѣ надежнаго и управлявшаго уже самостоятельно заводомъ. „Въ нынѣшній мясоѣдъ (январь 1787 г.) на Кызелѣ, писалъ Ипановъ, молодыхъ на дѣвкахъ, а пожилыхъ на вдовахъ поженили десятка полтретья, дабы съ женами поприлежнѣе жили и въ сторону неглядѣли. По трудности работъ работники скучаютъ, при томъ же и болящіе есть, однако противъ прошлаго года полегче. Болѣзни у работниковъ—ногами, опухолью. Надо пускать кровь, а люди къ этому неохотны, болѣе всего, всѣмъ лекарство и врачеваніе Всемогущій Богъ“.

Я небуду утомлять вниманія на перечетѣ всякихъ препятствій, съ которыми пришлось бороться Ипанову со всѣхъ сторонъ, скажу лишь, что въ лѣто 1788 года завершилось начатое и положено было основаніе заводскому дѣлу. Началомъ заводскаго дѣла я считаю тотъ день въ который затворена рѣка плотиной въ прудъ 3-го іюля 1788 г. а отслужа святой молебенъ, писалъ Ипановъ, и прося у Бога помощи, по полудни вначалѣ третьяго часа и заимку заняли благополучно, и работа производилась по полуночи до третьяго часа, да и четвертаго, тоже пятаго и шестаго числа до обѣда работа производилась для безопасности и нужное землею укрѣпили и по скопленіи въ рѣкѣ вода съ пятаго числа пошла въ вешнякъ благополучно. Работу произвели со всѣмъ усердіемъ, да и на счастье со втораго числа Богъ даровалъ всѣ дни ведренные. 6 числа всѣхъ работныхъ людей потчивалъ хлѣбомъ—солью и по чаркѣ вина и, напоя пивомъ изъ всѣхъ рабочихъ 1.235 человѣкъ всѣхъ вотчинныхъ крестьянъ для страды отпустилъ по домамъ. Не лишнимъ считаю замѣтить, что плотины Очерскаго и Чермозскаго завода считаются въ 35 и 37 саженъ въ основаніи (ширина), а Кизеловская свинками 24 да осыпью 23 сажени, всего 47. саженъ, на что хотя и уйдетъ больше капиталу, но прочность и возможность поднять окупитъ эти расходы. „Впослѣдствіи дѣйствительно для большаго скопленія воды плотину повышали два раза. Теперь Ипанову предстояло вывести и окончить фабричныя устройства, домны и проч., требовались для этого уже не крестьяне, а народъ опытный—плотники, каменьщики, кузнецы и проч., а ихъ то ему Гиль и не давалъ. Всѣ дѣла Гиль велъ исключительно въ видахъ своей пользы какъ компаньонъ Лазарева въ прибыляхъ отъ продажи ходкихъ сортовъ желѣза и по устраненіи Ипанова отъ Чермозскихъ дѣлъ, велъ себя какъ полновластный хозяинъ. Дерзость его незнала границъ и онъ въ фабрикѣ при рабочихъ отхлесталъ пощекамъ прикащика Шардина за то,

что послѣднiй на замѣчанiе Гиля о плохой разрѣзкѣ желѣза отвѣчалъ, что нѣтъ мастеровъ, такъ какъ всѣ лучшiе мастера отправлены въ Нытву имъ же Гилемъ для установа рѣзной фабрики. На донесенiе объ этомъ правленiя Лазаревъ отвѣчалъ, что такъ де и слѣдовало, потому что Гиль, требуя хорошей выдѣлки, наблюдалъ его Лазарева интересы. А эти интересы выражались тѣмъ, что Гиль, потративъ массу труда и денегъ за счетъ Лазарева, когда добился хорошихъ результатовъ, то вмѣсто того чтобы держать въ секретѣ выдѣлку этого желѣза, какъ было обусловлено контрактомъ, продалъ и машины и весь установъ Голицину въ Нытву и туда же для работы отправилъ лучшихъ мастеровъ. Въ его интересахъ были усиленныя постройки чего бы то нибыло, такъ какъ онъ всѣ расходы падающiе на выдѣлку листоваго и рѣзнаго желѣза относилъ въ цѣну построекъ, лишь бы удешевить желѣзо и получить больше барышей. Къ его радости въ Чермозѣ 22 января 1788 года сгорѣли двѣ фабрики и дѣло закипѣло. Впрочемъ онъ, зная что во всякомъ случаѣ получитъ съ Лазарева не менее 5000 рублей въ годъ, не особенно интересовался Чермозомъ и кидался вездѣ, гдѣ пахло деньгами, будь это торговля, соляное, горное или механическое дѣло, но неимѣя ни опытности, ни знанiй вездѣ прогоралъ, вывертываясь при случаѣ кассой Лазарева, который потомъ запретилъ таки давать на эти операцiи деньги. Съ народомъ онъ былъ дерзокъ, грубъ и какъ доносилъ Лазареву Оханжановъ „ровно сущiй тиранъ; въ бытность мою въ Чермозѣ при мнѣ Гиль за то, что искривилась сдѣланная столяромъ чертежная линейка, изломалъ объ этого несчастнаго всю свою палку—и еще въ день великой пятницы!“.

Гилю, кажется, было досадно, что Ивановъ успѣлъ таки сдѣлать главное дѣло безъ его помощи, поэтому старался всячески тормозить, чтобы хотя въ постройку фабрикъ и машинъ вмѣшаться и раздѣлить съ нимъ славу строителя.

Для этого онъ прибѣгалъ даже къ такимъ средствамъ: Ипановъ нанялъ для Кизела партію плотниковъ, которые должны были проходить чрезъ Чермозъ. Гиль, увидавши ихъ, всѣхъ взялъ да и отправилъ внизъ по Камѣ до Полазны гдѣ былъ сложенъ лѣсъ. Узнаетъ объ этомъ Ипановъ, скачетъ въ Чермозъ и узнаетъ отъ Гиля, что онъ приказалъ плотникамъ отесывать бревна на Полазнѣ въ брусья на тотъ случай, что въ такомъ видѣ ихъ легче продать, а если и не продадутся, то пригодятся куда нибудь въ заводы, о чемъ де онъ увѣдомилъ и Лазарева, который по обыкновенію и незамедлилъ написать Ипанову что «чѣмъ бы глупыми запросами безпокоить Гиля, лучше бы было смотрѣть за работами въ Кизелѣ, гдѣ, какъ пишетъ Гиль, еще и плотина некончена... Однимъ словомъ Ипановъ помощи не получалъ и ежедневно получалъ одни непріятности, а отъ Лазарева напрасныя и незаслуженныя оскорбленія. Впрочемъ бывали случаи гдѣ Гиль оказывалъ и пользу Лазареву. Затруднительность доставки рудъ въ Чермозъ заставила прибѣгнуть къ суррогатамъ. Кандалинцевъ изъ Петербурга писалъ, что слѣдуетъ вмѣстѣ съ рудами плавить и кричные шлаки, противъ чего возстали всѣ во главѣ съ Ипановымъ. Дѣло это поддержалъ Гиль, но сначала взялъ слишкомъ большую пропорцію шлака, чугунъ получился бѣлый, и мастера отказались его переработывать, такъ какъ получалось ломкое желѣзо, идущее въ бракъ, за которое мастерамъ не засчитывалась работа. Но время сдѣлало свое и была установлена такая пропорція шлака, что получаемый чугунъ началъ давать хорошее желѣзо. Шлаки какъ даровой, безцѣнный продуктъ удешевлялъ желѣзо и при недостаткѣ рудъ къ плавкѣ шлаковъ прибѣгали даже въ послѣдніе года нынѣшняго столѣтія. На дѣятельность Гиля Лазаревъ смотрѣлъ своеобразно: худаго онъ старался не замѣчать, на плутни смотрѣлъ сквозь пальцы и этотъ взглядъ Лазарева не могъ измѣнить даже Кандалинцевъ, который всетаки время отъ времени проѣзжался на счетъ Гиля,

указывая въ письмахъ что Гиль изобрѣлъ такой способъ переработки чугуна въ желѣзо, при коемъ изъ пуда чугуна получается больше пуда желѣза, но Гиль на это необращалъ вниманія.

Бывали случаи, когда тормозъ постройкѣ Кизеловскаго завода являлся даже вопреки желанію Лазарева и безъ его поощреній Гиля и подобныхъ ему. Здѣсь я коснусь того вопроса о которомъ было упомянуто раньше вскользь. Вся, вывариваемая въ соляныхъ промыслахъ, соль сдавалась правительству и солевары обязаны были по назначенной правительствомъ цѣнѣ доставлять всю вывариваемую соль въ казенные склады по Камѣ, Вяткѣ, Окѣ и Волгѣ. Такъ какъ солевары заводчики несоглашались отдать свою соль по предложенной правительствомъ цѣнѣ, послѣднее и дало просимую цѣну, но чтобы избѣжать монополіи, правительство къ концу контрактнаго срока всѣ свои склады заполнило ельтонской и солью другихъ озеръ, такъ что къ 1787 г. въ складахъ правительства соли было свыше двадцати милліоновъ пудовъ. Въ виду этого правительство въ январѣ 1787 г. увѣдомило солеваровъ, что оно не будетъ принимать отъ нихъ соль и поэтому они пріостановили бы выварку. Будь это распоряженіе сдѣлано раньше, оно неимѣло бы для солеваровъ особеннаго значенія, но въ это время были уже окончены всѣ заподряды на доставку дровъ, рабочихъ для каравановъ, на постройку судовъ и судовыхъ принадлежностей. Поднялся страшный гвалтъ. Поскакали всюду курьеры: сегодня получается распоряженіе продолжать дѣло по прежнему, такъ какъ подана просьба о принятіи соли; на завтра новый курьеръ привозитъ увѣдомленіе, что просьба не имѣла значенія, а по сему все остановить, народъ распустить, далѣе опять курьеръ съ надеждой и т. д., а на промыслахъ вмѣсто одного скачутъ сотни гонцевъ съ такими же противорѣчивыми распоряженіями. Въ своей просьбѣ солевары указывали правительству на возможность громадныхъ убытковъ, такъ какъ за издані-

емъ указа солевареніе должно окончательно прекратиться, ликвидировать же дѣло невозможно, такъ какъ останется масса народа безъ работы непредвидѣнно и къ тому же сдѣланы громадныя заготовки дровъ и прочаго. Если бы и возможно было варить въ запасъ, то складывать будетъ не куда, такъ какъ амбары заполнены солью, которую необходимо хранить, а какъ амбары при томъ построены низко, то соль можетъ быть и подмочена, что и бывало, а главное, если будетъ пожаръ, то одними караульными, тутъ ничего неподѣлаешь и все будетъ поглощено огнемъ. Правительство разрѣшило отправку, но куда, обѣщало разсмотрѣть и увѣдомить, такъ какъ свободныхъ амбаровъ нѣтъ ни въ одномъ складѣ. Снова гонцы: готовиться къ сплаву и дѣло опять закипѣло. Едва подготовились караваны съ солью къ отправкѣ правительство увѣдомляетъ, что приметъ соль въ складахъ или балаганахъ на Волгѣ, но балаганы должны быть утроены самими солепромышленниками и что расчетъ за соль будетъ въ слѣдующемъ году по сдачѣ соли. Снова курьеры—соль не отправлять, такъ какъ постройка балагановъ, выгрузка, охрана и сдача дастъ по 3 копѣйки на пудъ соли убытка, тогда какъ оставайся она въ промыслахъ, заводчики избавились бы отъ убытка. Снова ѣдетъ курьеръ съ запрещеніемъ отправки. Курьеромъ послали служащаго по продажѣ у Строгонова какого-то Бушуева, который ѣхалъ вольготно, по барски, съ отдыхами и когда пріѣхалъ въ промысла, караваны были уже отправлены. Всѣхъ труднѣе было Строгоновымъ, которые въ это время крайне нуждались въ деньгахъ, для Лазарева же это былъ лишь рабочій вопросъ. Для каравановъ у него были наняты вольные рабочіе, но когда пришли распоряженія о неотправкѣ соли, ихъ всѣхъ распустили. Свои же крестьяне всѣ были наряжены въ Кизелъ, но когда пришло послѣднее распоряженіе объ отправкѣ соли, пришлось вмѣсто наемныхъ отправить своихъ рабочихъ крестьянъ и отложить Кизеловскія работы. Упрекая Иванова въ мед-

ленности постройки Кизеловскаго завода, Лазаревъ обыкновенно приводилъ примѣры быстрой постройки заводовъ, доменныхъ печей и проч., забывая что на тѣхъ заводахъ была масса народа, а у Лазарева его не было; тамъ клали печи изъ кирпича, въ Кизелѣ по недостатку глинъ его не было, приходилось кладку вести изъ камня, а таковой кладки по трудности обтески камня едва успѣвали положить въ мѣсяцъ одинъ рядъ!.. Но при всемъ томъ 2 января 1789 года была пущена въ Кизеловскомъ заводѣ первая домна, но камень горновой растрескался, и окончательно на полное дѣйствіе домна, по очисткѣ горна, пущена 8 января, Гиль, зная отношенія Лазарева къ Ипанову, снова явился въ Петербургъ подливать масла въ огонь, вслѣдствіе чего Лазаревъ писалъ къ Ипанову что «только и «дѣла у тебя, что тѣснить хорошихъ людей, а самъ де не- «съумѣешь тремъ свиньямъ корму дать». Восторженность Ипанова пропала: онъ былъ нравственно убитъ, ошельмованъ силой, бороться съ которой не могъ и донесеніе объ окончаніи постройки и пускѣ домны начинаетъ и кончаетъ извиненіями. Онъ не считалъ себя техникомъ, но на доносы Гиля, возмутившіе его до глубины души писалъ Лазареву, что легко его судить какъ не техника, но что онъ все таки въ три года при всевозможныхъ препятствіяхъ создалъ и пустилъ Кизеловскій заводъ, тогда какъ Гиль въ пять лѣтъ не можетъ окончить листоваго стана при всѣхъ средствахъ и приспособленіяхъ не на дикомъ мѣстѣ, какъ выстроенъ Кизелъ; Гиль ведетъ опыты, тогда какъ другіе заводы ввели уже давно у себя все что нужно, и что еслибы Лазаревъ развязалъ только руки, то тѣ же Чермозскіе прикащики выстроили бы все это не въ пять лѣтъ, а въ три мѣсяца! Лазаревъ оскорбился и окончательно запретилъ Ипанову всякое вмѣшательство въ дѣла Чермозскаго завода, чего и добивался Гиль. Тотъ, пользуясь этимъ, спустилъ желѣзо въ Тобольскъ и получилъ разсчетъ. Узнаетъ объ этомъ Лазаревъ, накидывается на Ипанова и требуетъ,

чтобы судомъ или силой Ипановъ вернулъ это желѣзо, но было поздно. Гиль не зналъ кто донесъ объ этомъ Лазареву, поэтому какъ приказчиковъ, напр. А. Баканина и другихъ служащихъ, коихъ подозрѣвалъ—выгналъ вонъ и старался искоренить доносы въ корнѣ, чтобы имѣть возможность безконтрольно распоряжаться дѣломъ. Лазаревъ и поэтому случаю писалъ правленію, отвѣчая собственно на письмо Ипанова, который указалъ на слова св. писанія что де «не давай безумному меча въ руки, да непосѣчетъ главы невинныхъ», что слѣдовало прогнать не одного Баканина а и другихъ, что я Гилю и подтверждаю. Лазаревъ систематически доказывалъ, что свои люди гроша не стоятъ и всѣ его распоряженія относительно Гиля оскорбляли и возмущали не одного Ипанова, но буквально всѣхъ. Это странное однако явленіе. Гуманнѣйшій самъ по себѣ человѣкъ, по отношенію ко всѣмъ, гдѣ затрогивался Гиль, онъ былъ возмутительно не справедливъ. Точно его связывало съ Гилемъ какое-то родство и онъ не хотѣлъ его убрать не только для спокойствія другихъ, но и для своей пользы, которую онъ ставилъ всетаки на первомъ планѣ. Это пренебреженіе къ своимъ людямъ служащимъ проявлялось вездѣ и во всемъ. Въ 1785 г. 22 августа былъ открытъ Артемьевскій рудникъ съ своими громаднѣйшими залежами рудъ горными учениками Петромъ Гилинымъ и Ефимомъ Шляпинымъ. По донесеніи объ этомъ Лазареву, онъ приказалъ выдать горному смотрителю Токмакову 100 руб. награды, а открывателямъ по 25 рублей потому только, что Токмаковъ былъ сторонній человѣкъ, а между тѣмъ въ открытіи рудника не принималъ никакого участія по случаю болѣзненнаго состоянія. Въ виду этого предпочтенія сторонняго своимъ и правленіе считало послѣ, что открылъ рудникъ Токмаковъ. Еще при закладкѣ плотины въ Кизелѣ въ берегу рѣки повыше плотины была открыта шиферная черная мѣдная руда, которая оказалась углистымъ сланцемъ, а при разработкѣ мѣста открыты были два

пласта каменнаго угля, который Лазаревъ и приказывалъ употреблять въ кузницахъ и даже при доменной плавкѣ. Но всѣ эти открытія уже никого не радовали. Раньше каждое открытіе, каждый успѣхъ въ дѣлѣ подбавлялъ энергіи, теперь время энергіи миновалось. Всѣ видѣли что Лазаревъ круто повертываетъ въ другую сторону и не придаетъ никакого значенія трудамъ своихъ преданныхъ слугъ, увлекается сплетнями, слушаетъ всякаго негодяя, придавая вѣру только словамъ тѣхъ, которые ему говорятъ, что у него на заводахъ Ипановъ и клика крѣпостныхъ портятъ все дѣло. А дѣло пошло сравнительно хорошо. Домна за первый же мѣсяцъ своего дѣйствія дала среднее по 560 пудъ въ сутки, тогда какъ въ Чермозѣ у Гиля въ срединѣ компаніи домна давала лишь по 350 пудъ. Въ Кизелѣ 22-го іюля 1790 года пустили и вторую домну и одновременно кричную фабрику, но за все это отъ Лазарева идетъ одна брань и упреки. Ипановъ наконецъ махнулъ на все рукой и выѣхалъ изъ Кизела съ цѣлію заняться исключительно тяжебными дѣлами, которыя требовали его присутствія въ Перми. Едва узналъ о выѣздѣ Ипанова Гиль, ѣдетъ въ Кизелъ—посмотрѣть что тамъ натворилъ Ипановъ и къ удивленію своему видитъ совсѣмъ не то, чего ожидалъ. Онъ, впрочемъ, первый сказалъ Ипанову, что Кизелъ по своему расположенію, по своей уютности и цѣлесообразности единственный изъ видѣнныхъ имъ заводовъ на Уралѣ, чѣмъ несказанно польстилъ Ипанову, неслыхавшему ласковаго слова и даже написалъ объ этомъ Лазареву, который въ знакъ особеннаго своего расположенія за подобную работу какъ постройка завода, посылаетъ Ипанову чрезъ Кандалинцева шесть аршинъ сукна на кафтанъ! Когда была пущена кричная фабрика вмѣстѣ съ домнами, то оказалось что запасъ воды въ прудѣ малъ и пришлось плотину поднять на два аршина и вмѣсто сгорѣвшей пильной поставить таковую на отводной канавѣ и отработанной водѣ, какъ совѣтовалъ Кандалинцевъ.

По отъѣздѣ изъ Кизела Ипанова Лазаревъ назначилъ въ Кизелъ прикащикомъ служащаго съ заводовъ Демидова Егора Алексѣевича Высоцкаго, которому назначилъ жалованья 600 рублей при готовомъ содержаніи, поручивъ ему управленіе заводомъ, а Ипанову предписалъ наблюдать за исправностью веденія дѣла. По пріѣздѣ въ Кизелъ Высоцкій съ разу же обрисовался плохимъ дѣльцомъ, во всемъ уступающимъ, вышколеннымъ Ипановымъ прикащикамъ, правившимъ тамъ до него всѣмъ дѣломъ. Неудачи свои онъ съ перваго же раза началъ объяснять Лазареву, или вмѣшательствомъ Ипанова, или неисполненіемъ отдаваемыхъ имъ приказаній. Тогда Лазаревъ командируетъ на заводы Кандалинцева провѣрить на мѣстѣ на сколько справедливы жалобы на Ипанова и если онъ правъ, то оказать ему содѣйствіе въ приведеніи дѣлъ въ порядокъ. Кандалинцевъ, пріѣхавъ въ Чермозъ, получаетъ отъ Лазарева письмо, коимъ тотъ увѣдомляетъ, что „сынъ его Артемій Ивановичъ «(23 лѣтъ) въ новый годъ, (1791 г.) ѣздивши съ визи«тами, простудился и лежитъ въ постели въ настоящей го«рячкѣ и отъ власти Божіей зависитъ обрадовать насъ вѣр«нымъ его выздоровленіемъ“, но этому несуждено было исполниться и единственное дитя, такъ сказать единственная надежда Лазарева,—отошелъ въ вѣчность. (*) По полученіи извѣстія Кандалинцевъ увѣдомилъ Ипанова что „желаніе привести обще съ вами все хозяйство въ совершенное устройство и порядокъ не могло быть приведено въ исполненіе и онъ отправляется оплакать по мѣрѣ усердія горчайшее сокрушеніе родителей“.

Послѣ смерти сына, Лазаревъ опустился, бросилъ дѣла и захирѣлъ. Разъ поставленная цѣль подготовить для сына благоустроенное имѣніе устранилась, онъ какъ бы потерялъ все и вертѣлся въ кучѣ безцѣльныхъ заботъ и хлопотъ, но

(*) Въ письмѣ къ Князю А. Б. Куракину Н. Н. Бантышъ-Каменскій, объясняетъ смерть Лазарева иначе. См. Русск. Архивъ 1876 г. ч. III стр. 258.

наконецъ бросивъ все, уѣхалъ въ купленное отъ казны имѣріе Ропшу, предоставивъ управленіе дѣлами Кандалинцеву.

IX.

Съ пріѣзда Высоцкаго дѣло въ Кизелѣ ни сколько не улучшилось, напротивъ начало ухудшаться. Высоцкій небылъ техникъ, но небылъ и хозяиномъ. Онъ не умѣлъ ладить съ народомъ, который отъ него бѣжалъ. Отъ Ипанова онъ требовалъ людей, а ихъ не было. Обо всемъ этомъ онъ писалъ въ Петербургъ, а откуда разумѣется допекали Ипанова, поставляя ему на видъ что онъ дѣло Кизела нехочетъ принять къ сердцу и нетакъ горячо относится къ нему какъ раньше. Лазаревъ по обыкновенію писалъ еще хуже, ставя въ упоръ такой выводъ, что вся цѣль Ипанова выживать всякаго сторонняго человѣка, и онъ уже не знаетъ что дѣлать съ Ипановымъ. Ипановъ на это отвѣчалъ уже не тономъ „покорнѣйшаго слуги", но какъ „всенижайшій рабъ", выясняя что если видитъ какъ швыряются напрасно деньги, то молчать объ этомъ небудетъ. Если напр. Высоцкій приглашенъ дѣлать дѣло, то онъ и потребуетъ отъ него дѣла, оказывая всевозможное содѣйствіе; если онъ приглашенъ пенсіонъ получать, то и это дѣлай но тогда не вмѣшивайся въ дѣло. Изъ Высоцкаго по его, Ипанова, мнѣнію можетъ выйти и порядочный прикащикъ, но неранѣе десяти лѣтъ и за все это время, за подготовку его придется переплатить шесть тысячь рублей одного жалованья. Что же касается предписаній о томъ, что мы нетерпимъ де чужихъ людей, то это результатъ разъ установившагося взгляда что свои люди плохи, ничего нестоятъ, ничего сдѣлать не умѣютъ и каждому изъ своихъ дается сообразно этого взгляда и оцѣнка. Вѣдь „у сосѣдей вла«дѣльцевъ тѣже люди, но разъ поставлены они иначе, то «и дѣла дѣлаютъ и оцѣниваются своими владѣльцами по «заслугамъ. Примѣры на лицо. Сѣдовъ за постройку Пож«вы получилъ 3000 рублей. Дьячковъ отъ Шаховскаго

«1000 рублей, Воронинъ отъ князя Голицина вѣчный пен-«сіонъ, Ѳ. Дьячковъ отъ Турчаниновой получилъ камен-ный домъ цѣнностью до 10.000 рублей и отпущенъ на во-«лю—вотъ какъ дѣлается у людей. Я же просилъ и про-«шу одной милости—обмѣняйте моихъ дѣтей на рекрутъ у Загряжскаго и я буду за Васъ Бога молить....“ И Лазаревъ не остался въ долгу на эту отповѣдь: „вижу я что ты записался и смѣть дѣлать укоры: очень радъ, что ты это знаешь, но ты зарапортовался; имѣя неограниченную довѣренность и любовь и неся всегда милости—на твоемъ мѣстѣ другой стыдился бы равняться съ Дьячковыми и тому подобными, а ты видно малодушенъ!...“

Между тѣмъ Кизелъ за выѣздомъ оттуда Ипанова причинилъ ему немало хлопотъ. Вся юстиція того времени жила одними поборами и каждый членъ этой юстиціи ждалъ только случая, чтобъ къ чему нибудь привязаться. По этому всѣ заботы Ипанова, какъ повѣреннаго, заключались главнымъ образомъ въ томъ, чтобы ни одного дѣла не доводить до суда и въ этомъ случаѣ даже дѣла уголовныя, гдѣ наказаніе рабочимъ пахло ссылкой, Ипановъ старался обрисовать или домашней ссорой или нечаянностъю, но лишь бы не доводить дѣло до уголовнаго суда. Не такъ смотрѣли на дѣло его помощники и ради оправданія своихъ безтолковыхъ поступковъ изъ мухи дѣлали слона. Случилось напр., что въ Кизелѣ у кого-то былъ украденъ кусокъ свинины, и одновременно какой-то пьяный пострадалъ кражей другаго, о чемъ конечно донесли Высоцкому. Тотъ шлетъ въ судъ заявленіе, что Кизеловскій заводъ одолѣли воры, между тѣмъ свинина оказалась въ огородѣ обглоданной собаками. Между тѣмъ судъ, получивши заявленіе о страшномъ воровствѣ, ѣдетъ въ Кизелъ для производства слѣдствія въ полномъ составѣ. Узнаетъ это Ипановъ, упрашиваетъ судъ отложить дѣло и неотвлекать въ самое нужное и горячее время ни рабочихъ, ни служащихъ отъ дѣла, пока неузнаетъ въ чемъ дѣло, ѣдетъ

на мѣсто, узнаетъ что никакого воровства нѣтъ, почему заявленіе Высоцкаго и беретъ назадъ изъ суда. Высоцкій однако зналъ чего дѣлать по опытамъ Гиля, ѣдетъ въ Петербургъ къ Лазареву, выясняетъ какъ его тѣснитъ Ипановъ, котораго и распекли за то, что онъ заселилъ Кизелъ одними ворами, и чтобы немедленно же переселилъ въ Кизелъ триста самыхъ лучшихъ семей, трезвыхъ и трудолюбивыхъ. Только потерявшій разсудокъ могъ посовѣтовать Лазареву сдѣлать подобное распоряженіе. Легко это сказать—переселить 300 семей, но вѣдь переселить ихъ придется въ совершенно дикое мѣсто, куда добровольно ни одинъ человѣкъ не шелъ, а переселить силой, значитъ раззорить еще 300 семей самыхъ лучшихъ крестьянъ, лишить всего что дорого, съ чѣмъ сроднился каждый, гдѣ каждый кустъ, каждый ложокъ извѣстенъ и скотинѣ даже..., и еще заставить работать на совершенно непривычномъ дѣлѣ! Полагать надо что и самъ—то Лазаревъ потерялъ разсудокъ, не подозрѣвая какое онъ дѣлаетъ зло самому же себѣ, раззоряя своихъ крестьянъ. Ипановъ понятно шелъ противъ такихъ безчеловѣчныхъ распоряженій, ничѣмъ невызываемыхъ, и пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ чтобы заселить Кизелъ, выдворяя туда провинившихся. Его распекали, что онъ заселяетъ Кизелъ пьяницами, но эти пьяницы испробовавъ Кизеловскаго житья артелями уходили обратно, предпочитая этому житью рекрутчину или бѣга въ дальнія степи. Лазаревъ знать ничего нехотѣлъ, высылая предписанія одно другаго сумасброднѣе. Народъ видѣлъ въ лицѣ Ипанова единственнаго защитника, и чтобы его неподводить подъ отвѣтственность, шелъ по его приказанію въ Кизелъ, но при первомъ же случаѣ всѣ бѣжали, бросая все. У Лазарева въ Кизелѣ не было народу и деревни запустовали. Принудительное переселеніе вызвало ропотъ, недовольство, положеніе было критическое, но Ипановъ нетерялъ надежды вразумить Лазарева и шелъ открыто противъ его распоряженій, отдаляя могущій ежедневно вспых-

нуть бунтъ. Лазаревъ наконецъ предписываетъ въ страднее лѣтнее время задолжить крестьянъ на рубку дровъ, въ то именно время, когда крестьянину каждый день дорогъ, когда наконецъ комары и оводъ дѣлаютъ работу въ лѣсу невозможной. „Приказаніе Ваше, писалъ Лазареву Ипановъ, я «не исполнилъ, я не могъ не исполнить просьбы рабочихъ и «крестьянъ объ отпускѣ ихъ домой. Слезы ихъ и мольбы «невозможно безъ содроганія выслушивать. Оводъ, комары ихъ съѣли—не вѣрите мнѣ, спросите вашего посланнаго «—онъ все это видѣлъ“. Лазаревъ знать ничего не хочетъ требуетъ работы, и работы, даетъ Высоцкому право наказывать рабочихъ своею властью. Высоцкій этимъ и воспользовался. Къ веснѣ 1792 года, когда нужно было воспользоваться вешней водой и пустить заводъ на полный ходъ, въ заводѣ не осталось ни одного мастера, всѣ отъ жестокаго обращенія Высоцкаго сбѣжали. Высоцкій жилъ какъ бы въ крѣпости, окружая себя постояннымъ карауломъ изъ спеціально созданой имъ охранной стражи, архаровцевъ, которые по его приказанію и чинили расправу съ народомъ. Заводъ пришлось остановить. Чтобы не оставлять оставшихся рабочихъ безъ дѣла, Высоцкій отдаетъ распоряженіи сжигать въ лѣсу хвою и подготовлять мѣста для покосовъ. Отъ постройки завода, отъ взятыхъ на эту постройку бревенъ въ лѣсу скопилось страшное количество хвои, которую Высоцкій и приказалъ выжечь. Явился приказчикъ Дьяконовъ и заявляетъ что въ виду жары, страшно сухой весны и при вѣтрѣ дѣлать этого рѣшительно нельзя безъ риска пустить громадный лѣсной пожаръ. Высоцкій приказалъ для доказательства противнаго вездѣ разжечь костры, выгнавъ туда всѣхъ рабочихъ. Дьяконовъ же немедленно посылаетъ нарочнаго къ Ипанову въ Соликамскъ, чтобы онъ запретилъ дураку подобныя распоряженія. Вспыхнули костры, вѣтеръ пораздулъ ихъ, взвилось страшное облако дыму и общій пожаръ запылалъ. Заводъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ страшнымъ пламенемъ и едва смек-

нули рабочіе чего они могутъ ждать, кинулись къ домамъ, но уже застали воющихъ бабъ и ребятишекъ, сидящихъ у заводскихъ строеній. Отъ селенія не осталось и головни, сотни домовъ уничтожены ради каприза одного дурака, и все имущество несчастныхъ сдѣлалось жертвой пожарища... Тяжело писать о такихъ ужасахъ!, но что чувствовалъ въ это время народъ подневольный, не смѣющій рта разинуть?! Ипановъ былъ въ Перми и когда получилъ письмо Дьяконова, выѣхалъ немедленно въ Кизелъ, но дорогой же получаетъ увѣдомленіе что Кизелъ сгорѣлъ, а заводъ, благодаря своему положенію въ глубокомъ оврагѣ, остался нетронутымъ. Пожаръ этотъ былъ 21 мая 1792 г. Подъѣзжая къ Кизелу Ипановъ догналъ судъ, который выѣхалъ изъ Соликамска по объявленію Высоцкаго, который заявилъ что въ Кизелѣ бунтъ, угрозы и убійства...

По повѣркѣ оказалось, что на пепелище явился съ водкой кабадчикъ, и понятно кто имѣлъ возможность выпить— съ горя выпилъ. Изъ толпы выдѣлился конюхъ Голубинъ и началъ благодарить Высоцкаго за то, что спалилъ тѣ послѣдніе крохи имущества, коими они владѣли по переселеніи въ Кизелъ, за что тотъ, конечно, приказываетъ арестовать Голубина, но никто изъ народа не двигался. Тогда, охранная стража Высоцкаго забираетъ Голубина, но народъ сейчасъ же его освободилъ. Высоцкій, видя это, приказалъ стражѣ вооружиться и взять Голубина живаго или мертваго, котораго и уложили на мѣстѣ размозживъ ему коломъ голову, при чемъ въ схваткѣ двоихъ изувѣчили, а одному нанесли рогатиной тяжелую колотую рану. Тогда народъ всталъ стѣной. Высоцкій убѣжалъ со стражей къ себѣ въ домъ, который находился у завода и не сгорѣлъ, затворился тамъ со стражей и ждалъ помощи извнѣ отъ суда. Въ это время пріѣхалъ судъ и Ипановъ. Послѣдній сразу смекнулъ, что если выдать Высоцкаго, то волей неволей выяснится дѣйствительно бунтъ и всѣхъ участвующихъ въ немъ сошлютъ въ Сибирь, т. е. лишатъ Кизелъ и тѣхъ

оставшихся рабочихъ, кои тамъ жили и еще не убѣжали, почему и повелъ дѣло какъ повѣренный Лазарева, убѣдивъ судъ, что никакого бунта не было и что виноватъ де во всемъ кабатчикъ споившій народъ до того, что конюхъ Голубинъ «сгорѣлъ съ вина», а остальные де между собой шумѣли, но проспались и теперь все вошло въ обыкновенную колею жизни. Судъ же съ своей стороны постановилъ, что вслѣдствіе жаркой погоды трупъ предался сильному гнилостному разложенію и освидѣтельствованъ быть не могъ. Ни дракъ, ни буйствъ по изслѣдованію суда не оказалось и судъ благополучно изъ Кизела выѣхалъ. Въ Перми однако на дѣло взглянули иначе и Ипанову прямо заявляли, что убитаго человѣка онъ подмѣнилъ опивицей, а изъ бунта и драки сдѣлалъ поминки пожарищу, почему и поручили сдѣлать новое дознаніе. Здѣсь-то Ипановъ показалъ себя, что онъ стоитъ выше страстей. Стоило ему сказать слово и Высоцкій былъ бы въ кандалахъ, но для него было выше всего наблюсти интересъ Лазарева и не лишать его того малаго числа рабочихъ, кои положили основаніе Кизелу. Все, что служило на пользу дѣла, имъ было сдѣлано, ничего не упущено. Устроивъ дѣло съ судомъ, Ипановъ сдѣлалъ, все и для народа. Явились немедленно запасы провизіи, явился холстъ, сукно; все было сдѣлано, одного не могъ сдѣлать Ипановъ: это-удержать въ Кизелѣ народъ; бѣжали всѣ, кто могъ бѣжать и ничего подѣлать было нельзя. На донесеніе объ этомъ Высоцкаго послѣдовало экстренное распоряженіе Лазарева: «за оскорбленія де и за угрозы Вы-
«соцкому въ такое время, когда онъ всецѣло былъ погло-
«щенъ заботами о пожарѣ селенія, предать виновныхъ суду
«(оффиціальному, т. е., чего желалъ и Высоцкій), а всѣхъ со-
«участниковъ бить на площади плетьми, чтобы всякій зналъ,
«что всякая власть»... Ипановъ, вмѣсто того, чтобы предоставить Высоцкому бить соучастниковъ на площади плетьми, показалъ ему распоряженіе Лазарева и самого его арестовалъ, памятуя изрѣченіе апостола: «не давай безумному

мечъ въ руки, да не посѣчетъ главы невинныхъ», прося Лазарева дать поэтому случаю дальнѣйшихъ указаній, какъ поступить съ Высоцкимъ, т. е., отпустить ли его на волю съ міромъ, или держать подъ арестомъ до слѣдствія на тотъ случай, чтобы «креминальность его дѣла чрезъ нечаян«ные его доносы не отрыгнула. Благодарить надо Бога, что «Всеволожскіе о своемъ человѣкѣ умолчали, котораго при«кололи рогатиной, а кабы не умолчали, то великія могли «быть непріятности, такія, что и не знали бы какъ съ ними «развязаться и увѣряю Васъ, гораздо бы было жарче по«жару». Народъ при допросахъ прямо заявлялъ, что бѣжитъ отъ того, что Высоцкій бьетъ праваго и виноватаго и что никому житья нѣтъ и дѣйствительно бѣжали артелями, но этимъ же воспользовался и самъ Высоцкій, сбѣжавъ, но по пути захватилъ на дорогу годовое жалованье и въ полтора раза больше на свое путешествіе.

Описывая положеніе погорѣльцевъ Лазареву, Ипановъ не безъ ехидства упрекаетъ Лазарева, что вѣдь «довести Ки«зелъ до стараго положенія надо два, три года и то едва«ли удастся и опять придется взвалить все на вотчинныхъ «крестьянъ, съ которыхъ де вы хотите получать окладъ и «недоимки. Вамъ лучше извѣстно въ какомъ положеніи «куплены заводы отъ Строгонова: люди раззорены, соляные «промысла и заводы на подпоркахъ стояли. Все это надо «было поправить, выстроить вновь, надо было заселить пусты«ни—все это вѣдь сдѣлано крестьянами, сдѣлано прину«дительно; о какомъ же благополучіи вы мечтаете при та«кихъ условіяхъ? Дайте имъ отдохнуть, дайте справиться и «народъ у васъ будетъ богатъ; а когда къ этому-то всему «вы еще приказываете и остатки-то лучшихъ крестьянъ «переселить въ Кизелъ, я смотрю на это какъ на оконча«тельное раззореніе тѣхъ лучшихъ, которые еще остались. «Вѣдь не отъ удовольствія же бѣгутъ изъ Кизела, зная что «по поимкѣ предстоятъ наказанія и сдача въ солдаты: вотъ «положеніе дѣла. Здѣсь не упреки нужны, а дѣло. Вы

«совсѣмъ уже меня осудили за Высоцкаго, но смѣю Васъ «увѣрить, что судъ надъ нимъ будетъ впереди и Пермское «намѣстническое правленіе приказало уже переслѣдовать «дѣло, и вотъ, если угодно, прикажите мнѣ быть въ сторо-«нѣ, пусть безпристрастные судьи рѣшатъ это дѣло. Отнес-«лись бы вы къ этому дѣлу съ должнымъ вниманіемъ и «справедливостью, не было бы и пожара, не было бы и «такихъ убытковъ. Кстати напомню и о Гилѣ, съ кото-«рымъ тоже мирно не кончите». На это Лазаревъ приказалъ Кандалинцеву отвѣтить Ипанову, что «если и впредь будетъ тоже, то нѣтъ ничего мудренаго, если владѣлецъ будетъ поступать съ ними по Кыштымски, гдѣ крѣпостной народъ прямо душили». Здѣсь отъ Лазарева уже звѣремъ дикимъ пахнетъ. Надо или допустить, что вся его гуманность была напускная, результатъ вѣяній первыхъ временъ Екатерины II, или же онъ просто выжилъ изъ ума и въ немъ сказалась дикая восточная кровь. Ипановъ, съ достоинствомъ пишетъ, что прочитавши такой приказъ, онъ плакалъ и, выплакавъ свое горе—посланную благодарность за его труды и заботы, просилъ уволить его, какъ негоднаго отъ службы, но что касается угрозъ удушенія, то отвѣчалъ прямо, что вѣдь и Кыштымскіе звѣри не вѣчны, передохнутъ и не успѣютъ всѣхъ передушить....

Отвѣтъ Ипанова отрезвилъ Кандалинцева и Лазарева. Нажива взяла верхъ, они поняли угрозу Ипанова и пишутъ, что де никто изъ нихъ и не помышлялъ о томъ, чтобы Ипановъ отказался отъ дѣла и еще въ такое время, когда услуги его, какъ управляющаго, болѣе всего нужны, и, чтобы окончательно выяснить въ чемъ дѣло, ѣхалъ бы онъ немедленно въ Петербургъ, на что Ипановъ и отвѣчалъ, что пока не кончитъ дѣла Высоцкаго не уѣдетъ, но если де угодно Лазареву, чтобы Высоцкій пошелъ въ каторгу, то онъ уѣдетъ и теперь. Лазаревъ пишетъ, чтобы скорѣе уволили Высоцкаго и развязались съ нимъ, но Высоцкій увѣдомляетъ, что хочетъ посмотрѣть, какъ пойдетъ

слѣдствіе, но наконецъ кой какъ удалось его выпроводить изъ Перми. Ипановъ же Кизелъ не забывалъ и къ декабрю 1792 года въ Кизелѣ было выстроено уже 160 домовъ.

X.

Лазаревъ отлично понималъ, что онъ потеряетъ въ Ипановѣ, если тотъ откажется вести его дѣла въ томъ же направленіи, какъ онъ велъ ихъ раньше. Какъ крѣпостнаго онъ его ни за что не хотѣлъ выпустить на волю, зная по характеру Ипанова, что угрозами съ нимъ ничего не подѣлать. До Лазарева начали доходить слухи о томъ, что Ипановъ лелѣетъ мечту удалиться отъ міра, основавъ для себя гдѣ нибудь скитъ, а при тогдашнихъ условіяхъ, понятно, никакая полиція не разыскала бы гдѣ этотъ скитъ, почему онъ и постарался вызвать его въ Петербургъ. Ипановъ былъ преданнѣйшій рабъ Лазарева, но при этомъ у Ипанова, выбившагося своимъ умомъ и способностями изъ ничего, было страшное самолюбіе. Всякое затѣянное имъ дѣло, по мимо пользы Лазарева, велось и для того, чтобы во всякомъ случаѣ выйти изъ него побѣдителемъ и поддержать свое реноме, какъ опытнаго повѣреннаго. Сдѣлавши дѣло, онъ не считалъ тѣхъ выгодъ, какіе доставилъ Лазареву, а на первомъ планѣ у него было свое удовлетворенное самолюбіе, которымъ онъ не рисовался, о коемъ не кричалъ, выставляя себя дѣльцомъ, и этимъ пріобрѣталъ уваженіе къ своимъ повѣренническимъ заслугамъ. Затѣвая споръ о Кизеловскомъ заводѣ, онъ отлично зналъ, что изъ всей массы дачи Вильвенскихъ деревень ему должно хлопотать объ отводѣ лишь $^1/_9$ части, что дѣйствительно и купилъ Лазаревъ, но Ипановъ затѣялъ дѣло крупнѣе. Онъ, на основаніи завѣщанія барона Николая Григорьевича, просившаго своихъ дѣтей помочь брату ихъ въ постройкѣ завода на Кизелѣ и Лытвѣ, основалъ искъ, но и тутъ онъ по настоящему долженъ бы просить отвести ему лишь часть

Николая Григорьевича т. е. $^1/_9$ часть всѣхъ земель, но аппетитъ его былъ шире и ему захотѣлось забрать части и графа Строгонова, Шаховской, Голициной и преемниковъ правъ барона Николая Григорьевича. Ограничивъ деревнями намѣченное имъ владѣніе и размѣнявши крестьянскія селенія, онъ уже на законномъ основаніи подготовилъ почву къ захвату громадной площади, составляющей болѣе $^2/_3$ общей площади. Сенатъ такъ и рѣшилъ дѣло, признавъ права Лазарева законными, почему и состоялось соглашеніе между владѣльцами, по коимъ Лазаревъ получилъ 250000 десятинъ въ Кизеловской дачѣ и 160000 десятинъ въ Ростесской. Остальные владѣльцы, или собственно ихъ повѣренные, смотрѣли на Ипанова свысока, тѣшились его затѣями и тогда только хватились, уразумѣвъ суть дѣла затѣяннаго Ипановымъ, когда уже Ипановъ стоялъ на твердой почвѣ и обставленный всѣми законными формальностями. Слѣди они за Ипановымъ въ свое время, Лазаревъ ни когда бы болѣе 90000 десятинъ не получилъ. Когда получилось увѣдомленіе о рѣшеніи Сената, Ипановъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ, что это такъ именно написано, а не иначе и писалъ поэтому случаю въ Петербургъ: «благопріятное и благоуспѣшное увѣдомленіе о сенатскомъ рѣшеніи «я съ великою и неописанною пріятностію и съ великимъ «удовольствіемъ удостоился получить, чѣмъ столько доволенъ, что хотя бы злата гору обрѣлъ, то не былъ бы «столько обрадованъ, какъ онымъ Правительствующаго Сената правосуднымъ рѣшеніемъ, поминая написанное въ законѣ: «лучше имѣй доброе, нежели богатствъ многое»; «дѣло же было такъ велико, и съ такими великими и знаменитыми многими особами, что ей, ей, право не только «днемъ, даже и въ ночномъ всегдашнемъ времени пробудясь съ ума не сходило какія были притязанія, да и отъ «какихъ особъ—истинно въ мысли невозможно сообразить»... Постройка Кизеловскаго завода, конечно, была неотъемлемой заслугой Ипанова, но при ней требовалось лишь умѣніе

распорядиться своевременно народомъ и заготовками, требовалось много кропотливаго труда, пришлось переживать тысячи непріятностей, но нетребовалось того сосредоточеннаго ума какъ для составленія плана дѣйствій, такъ и для его выполненія, какъ это требовалось при спорѣ о земляхъ. Тутъ все должно было быть предусмотрѣно, всѣ ходы расчитаны впередъ и требовалось точное неуклонное преслѣдованіе разъ намѣченной цѣли и лишь тогда только можно было разсчитывать на успѣхъ. А въ заводѣ какой нибудь несвоевременный запорядъ рабочихъ, неудача въ постройкѣ лишь затягивали дѣло, но не измѣняли его сущность и все можно было исправить, тогда какъ въ спорѣ, въ тяжбѣ одинъ неосторожный шагъ могъ уничтожить все дѣло, рушить все созданное. Лазаревъ уже изъ предписаній обрисовался съ своимъ вспыльчивымъ характеромъ, что для спорныхъ дѣлъ онъ рѣшительно не способенъ по своей нетерпѣливости и порывамъ. Между тѣмъ впереди предстояло еще много спорныхъ дѣлъ, нужно было строить Полазнинскій заводъ,—а Ипановъ на этомъ дѣлѣ пріобрѣлъ уже и знанія и опытность—вотъ причины по коимъ Лазаревъ пошелъ на уступки и въ этомъ примиреніи во всякомъ случаѣ игралъ главную роль Кандалинцевъ, такъ какъ послѣднія распоряженія Лазарева исключали всякую возможность уступокъ и соглашеній. Лазаревъ въ это время уже выскочилъ изъ колеи и велъ дѣло, очертя голову. Въ 1793 году пріѣхалъ въ Петербургъ Ипановъ, выяснилъ положеніе дѣла и получилъ отъ Лазарева первую награду-тысячу рублей. Возвратившись затѣмъ въ Пермь, онъ занялся достройкой Кизеловскаго завода и его заселеніемъ. Какъ только удалось ему водворить порядокъ въ Кизелѣ и направить его дѣятельность, онъ немедленно же принялся за постройку Полазнинскаго завода. Еще въ 1785 г. онъ командировалъ служащаго Григорія Семенова Петрова сдѣлать изысканія и составить смѣту на постройку этого завода, но недостатокъ народа заставилъ отложить это дѣло

на долго. Ипановъ дѣйствительно далъ возможность народу вздохнуть, справиться и уже тогда только принялся за постройку завода, который и былъ конченъ въ 1797 году. Въ 6 іюля этого года „занята заимка", т. е. окончена плотина. Строителемъ завода былъ бывшій конторщикъ Иванъ Поповъ.

Споры по земельнымъ дѣламъ также притихли, да и сосѣдямъ владѣльцамъ было не до того. У каждаго изъ нихъ понакопились кучи своихъ внутреннихъ дѣлъ, съ коими приходилось считаться пожалуй и серьезнѣе, чѣмъ съ Ипановымъ. Въ началѣ этой статьи я указывалъ на исторію крестьянъ Всеволожскаго, когда пришлось употребить въ дѣло даже воинскую команду. Здѣсь я изложу ее въ томъ видѣ, какъ доносили объ этомъ смотрители дачъ. Въ декабрѣ 1776 года крестьяне Обвинской волости, селъ Зюкайскаго и Кызвенскаго, отказались отъ работъ и не выѣхали къ подвозкѣ рудъ, угля и проч. для заводовъ Всеволода Андреевича Всеволожскаго. Причиной была безхлѣбица; неурожай какъ предшествовавшій такъ и настоящій дошелъ до предѣловъ и народъ незналъ, какъ прокормиться, не говоря уже о скотинѣ. Хлѣбъ напр. для заводовъ на 1797 годъ покупали по 90 коп. и бывшій хорошій урожай этого года едва спустилъ цѣну въ августѣ до 75 коп. и зимой до 55 коп. за пудъ, тогда какъ не прошло еще и десяти лѣтъ, когда хлѣбъ стоилъ около 8 коп. и не бывалъ выше. Въ виду отказа крестьянъ отъ работъ, прикащики вытребовали исправника, который только обострилъ отношенія между крестьянами и помѣщикомъ; дѣло вслѣдствіе этого приняло огласку формальнаго неповиновенія, о чемъ исправникъ и сообщилъ губернатору. Съ своей стороны и довѣренный Всеволожскаго подалъ объ этомъ губернатору заявленіе, вслѣдствіе чего губернаторъ и распорядился высылкой солдатъ. 4 января отправили изъ Перми 150 ч. солдатъ подъ командою двухъ офицеровъ. Едва появились солдаты, какъ къ Зюкайцамъ примкнули крестьяне Рождест-

венской волости и дѣло приняло серьезный оборотъ. Крестьяне выбрали четверыхъ ходоковъ и немедленно же отправили ихъ съ просьбой къ Государю, не предпринимая никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Они жаловались на полное истощеніе, на обремененіе работами, на постоянные наряды для дѣйствующаго и вновь строющагося завода. Когда командированный для усмиренія отрядъ солдатъ выстроился въ боевой порядокъ, начались переговоры, которые ни къ чему не привели, затѣмъ кой гдѣ пошли разговоры по крупнѣе и кончилось свалкой. Солдаты отступили, потерявъ двухъ человѣкъ, такъ какъ перевѣсъ былъ на сторонѣ крестьянъ, у которыхъ также оказалось двое убитыхъ. На этомъ дѣло и остановилось. Тогда командиръ отряда Николай Дмитріевичъ Звѣревъ шлетъ нарочнаго къ губернатору, прося немедленно выслать сильное подкрѣпленіе, обѣщая кончить дѣло миролюбиво; въ отвѣтъ же ему шлютъ приказъ принять рѣшительныя мѣры. Звѣревъ снова и категорически требуетъ подкрѣпленія, но въ это время вѣсть о побоищѣ облетѣла деревни, явилась помощь; крестьяне вооружались кто чѣмъ могъ и собрали рать свыше 2000 человѣкъ. Наконецъ въ Перми рѣшили отправить еще 250 человѣкъ солдатъ и 500 башкирскихъ казаковъ, но было уже поздно, массы вооруженныхъ по повѣсткамъ минутныхъ побѣдителей все прибывали съ увѣренностью разгромить солдатъ. Вновь посланные войска сошлись съ первымъ отрядомъ въ Зюкайскомъ селѣ, а крестьяне расположились въ селѣ Кызвенскомъ, въ разстояніи 25 верстъ отъ отряда солдатъ. 28 января войско двинулось въ с. Кызвенское и на пути рѣшило сдѣлать стоянку въ д. Макарятахъ. Идутъ въ первый же домъ, гдѣ жила какая-то вдова, которая заперлась и не пускаетъ. Во второмъ домѣ тоже, въ третьемъ тоже; тогда солдаты взяли да и подожгли эти дома. Вѣсть объ этомъ дикомъ поступкѣ разлетѣлась по деревнямъ съ быстротой молніи, какъ говорится, и крестьяне, видя, что добра ждать нечего, рѣшили перейти въ наступленіе. Пер-

вымъ дѣломъ было рѣшено обезпечить себя хлѣбомъ, почему немедленно же разломали магазины съ хлѣбомъ, предоставивъ брать кому сколько угодно и едва только солдаты показались въ с. Кызвенскомъ, крестьяне, не давъ имъ возможности собраться въ приличный отрядъ, напали на нихъ со всѣхъ сторонъ. Но вскорѣ успѣли подвинуть пушку и не ожидая дальнѣйшаго дали въ толпу залпъ. Трое легло на мѣстѣ и пять человѣкъ ранено. Крестьяне струсили и разбѣжались, но при поимкѣ защищались съ остервененіемъ. Солдаты отдѣлались сравнительно очень легко, у нихъ оказался одинъ убитый и одинъ раненый, а крестьяне лишились до 30 человѣкъ убитыми. Затѣмъ, конечно, судъ и проч. Отъ 12 февраля 1797 года Государь благодарилъ губернатора за усмиреніе бунта, а Всеволожскій заплатилъ за содержаніе солдатъ свыше 8000 рублей, и вообще исторія эта, раззорившая и крестьянъ, обошлась ему не дешево. Такъ какъ с. Рождественское состоитъ изъ двухъ волостей-Всеволожскаго и Лазаревыхъ и условія жизни и быта крестьянъ были почти одинаковы, то Ипанову стоило большихъ заботъ удержать своихъ крестьянъ отъ бунта, который если и не случился, то лишь благодаря его ловкости и умѣнію какъ во время удалить изъ села легко вспыхивающіе народные элементы, такъ и умѣнію обращаться съ массами народа, не разжигая ихъ инстинктовъ.

Въ царствованіе Екатерины II у Лазарева было много покровителей и заступниковъ, но съ воцареніемъ императора Павла дѣла круто повернулись. Прежде бывало генералъ губернаторъ дарилъ Лазареву разные китайскіе сервизы, остальные чины Пермскаго намѣстничества, такъ или иначе, но относились къ дѣламъ Лазарева благосклонно; тутъ же вышло не то. Генералъ-прокуроромъ назначенъ опекунъ Всеволожскаго, губернаторъ Модерахъ, другъ Всеволожскаго, слѣдовательно во всѣхъ спорныхъ со Всеволожскими дѣлахъ Ипанову приходилось совсѣмъ плохо и онъ отъ всевозможныхъ чернильныхъ душъ получалъ массу ос-

корбленій и униженій, о чемъ и писалъ Лазареву. Тотъ во первыхъ не допускалъ съ одной стороны самолюбія въ крѣпостномъ человѣкѣ и не признавалъ разныхъ униженій, а съ другой стороны во всемъ винилъ Ипанова, „ты де тѣмъ и занятъ что вездѣ и во всемъ заводишь ссоры и дрязги“.

Бывали дѣла, гдѣ Ипанову приходилось плохо и чисто въ оффиціальномъ положеніи. Подозрительность того времени была выше предѣловъ и какъ электрическая искра сообщилась вездѣ, а не въ однѣхъ только столицахъ, гдѣ всякій стоящій у огня, конечно, скорѣе могъ обжечься. Заводчики солевары, въ томъ числѣ и Лазаревъ, просили правительство о прибавкѣ цѣны на соль, которая имъ обходилась далеко дороже назначенной за нее Правительствомъ цѣны, на каковую просьбу послѣдовало удовлетворительное рѣшеніе: Государь назначилъ такую цѣну, которая вознаграждала владѣльцевъ и за убытки прежнихъ лѣтъ. Когда управляющіе получили увѣдомленіе отъ своихъ владѣльцевъ о таковой Монаршей милости, то собрались въ церковь и отслужили благодарственный молебенъ за милость и благополучное царствованіе Императора. Одному Ипанову Лазаревъ не потрудился написать объ этомъ, и Ипановъ остался въ сторонѣ и на молебнѣ не былъ, не придавая впрочемъ этому никакого значенія. Проходятъ недѣли, мѣсяцъ Ипановъ пишетъ Лазареву, что „всѣ крещеные въ чернилахъ“ друзья превратились въ недруговъ, всѣ тяжебныя дѣла круто повернулись въ противную сторону, почему и проситъ узнать въ чемъ дѣло. Но вскорѣ въ Перми же ему шепнули, что, дескать, на молебнѣ за здравіе государя никто отъ Лазаревыхъ не былъ, и что это поняли въ томъ смыслѣ, что Лазаревъ не доволенъ милостью Государя, навѣрное запретилъ своимъ повѣреннымъ быть на молебнѣ, о каковомъ поступкѣ прокуроромъ и донесено куда слѣдуетъ. Мало этого—сейчасъ же пошли секретныя наблюденія вездѣ и осталась даже замѣченной повозка, въ которой пріѣхалъ докторъ Шмидтъ, нанятый въ заводы Лаза-

ревымъ, и за которой былъ для секретныхъ разслѣдованій командированъ исправникъ. И объ этомъ донесено было генералъ-прокурору (смотр. „Чермозъ“, Петерб. 1889 г.) Когда написалъ объ этомъ Лазареву Ипановъ, тотъ сразу понялъ, чѣмъ это пахло при его знакомствѣ съ временщиками царствованія Екатерины II и Ипанову же пришлось исправлять дѣло на мѣстѣ и за то „много златницъ ушло въ чернильныя души...“

Лазаревъ въ это время кончалъ расчеты по доставкѣ монеты, но такъ какъ залоги не были освобождены, а постройка Кизеловскаго и Полазнинскаго заводовъ потребовала всетаки громаднаго капитала, то заводы начали нуждаться въ деньгахъ. На просьбы Ипанова о высылкѣ денегъ, Лазаревъ шлетъ упреки въ неумѣніи хозяйничать и по обыкновенію кончаетъ внушеніемъ: —„я де по привычкѣ своей еще повторяю тебѣ о полезныхъ примѣрахъ, считая что иногда отъ безпрестанной капели воды на одинъ пунктъ и въ дикомъ камнѣ дѣлается мѣсто, но къ сожалѣнію думаю, что всякаго рода совѣтъ о полезной перемѣнѣ въ тебѣ столько же произведетъ дѣйствія, какъ доброе зерно посѣять на жесткомъ камнѣ“. Эти совѣты были бы хороши въ такое время, когда человѣкъ въ нихъ нуждался и могъ бы извлечь пользу, но тутъ надо было думать о другомъ. Нужны были деньги: не уплачены были государственные сборы, горныя подати, пожертвованія на постройку казармъ и т. п., а денегъ нѣтъ. Къ тому же весна 1798 года, по случаю малыхъ снѣговъ и скоро наступившей теплой погоды, началась рано. Снѣгъ быстро согнало, но воды не прибывало, можно было ожидать, что вода будетъ мала и успѣвать скорѣе сплавить, какъ соль такъ и металлы, но денегъ не было и на всѣ просьбы Ипанова Лазаревъ отвѣчалъ, что не можетъ еще охлопотать перевода въ счетъ поставки соли. Ипановъ вертѣлся, какъ на угольяхъ, извертываясь насколько возможно. У Ипанова въ Перми былъ двоюродный братъ занимающійся торговлей, который при

нуждѣ и давалъ ему возможность извертываться и вотъ благодаря его помощи караваны были отправлены. Пришелъ и переводъ на Пермь съ требованіемъ брать по немногу, а у Ипанова уже забрано въ счетъ этого перевода до 20000 рублей, которые требовалось отдать немедленно. Ипановъ проситъ выдачи по переводу—обѣщаютъ. Кланяется униженно и неотступно, чрезъ недѣлю разрѣшили выдачу. Идетъ за полученіемъ—не выдаютъ, требуютъ поручительства, такъ какъ переводъ взятъ въ ссуду подъ соль, —представляетъ—негодны. Представляетъ другихъ—плохи, все требуютъ надежныхъ, но наконецъ поручились за него предсѣдатель казенной палаты и губернскій прокуроръ-свойкъ его брата. Тогда только разрѣшили выдать просимую сумму изъ Шадринска, куда по случаю полной распутицы и весенней бездорожицы пришлось бы ѣхать недѣли двѣ. Караванные требуютъ денегъ, заявляя, что народъ бѣжитъ не получая согласно договоровъ выдачъ при отвалѣ каравановъ и пришлось поставить вопросъ прямо—сколько же нужно заплатить, чтобы получить деньги своевременно—отвѣтъ: 1%—выдалъ 700 рублей и тогда только разрѣшили выдать и выдали деньги изъ Осы. Едва Ипановъ расчитался съ должниками, какъ получаетъ отъ Лазарева письмо, коимъ упрекаетъ, что крестьяне голодуютъ, народъ своевременно не расчитываеться и что Ипановъ ни зачѣмъ не смотритъ, только плутовъ и мошенниковъ и даже самъ де ты пустился на плутни, позволяя брату своему заготовку бочекъ и лагуновъ въ лучшемъ сосновомъ Лябовскомъ бору (на Камѣ, выше Полазнинскаго завода). Ипановъ отвѣчаетъ, что никогда никакихъ разрѣшеній брату своему на заготовку кадокъ и бочекъ не давалъ, да и покупаетъ ли братъ его бочки не знаетъ, а что де по его же Лазарева приказанію поселены въ Лябовскомъ бору бондари съ спеціальной цѣлію развить это дѣло и упрочить. Кромѣ того поселеніе это имѣетъ цѣлію фактически доказать принадлежность этихъ земель Лазареву, и что теперь, когда идетъ о нихъ споръ,

стоитъ только убрать это поселеніе и тогда еще будетъ вопросъ—останется ли за Лазаревымъ Полазнинскій заводъ. Если же бы братъ попросилъ его о бочкахъ, то за его услуги онъ, Ипановъ, и безъ разрѣшенія Лазарева далъ бы ему на бочки столько лѣса, что послѣдними можно было бы снабдить все Поволжье. О средствахъ же брата и о томъ, что какую роль играли бы въ дѣлахъ брата лагуны и бочки—нечего и говорить. О его средствахъ и оборотахъ вы де можете узнать у его компаньона по торговымъ дѣламъ Пермскаго губернатора. Дѣлаю ли я дѣло—вамъ лучше видно; и изъ исторій съ Гилемъ, Высоцкимъ вы видѣли мои труды, но вольно де вамъ слушать мерзкихъ доносчиковъ. Если я негоденъ, ничего не дѣлаю, то увольте и передайте дѣло другому. Объ одномъ просилъ неотступно Ипановъ: это объ увольненіи отъ крѣпостной зависимости его пріемныхъ дѣтей, но Лазаревъ упорно молчалъ на всѣ эти просьбы.

День за день, Лазаревъ наконецъ окончательно пристрастился къ доносамъ и завелъ непосредственныя сношенія съ прикащиками заводовъ Чермозскаго—Щербаковымъ, Кизеловскаго-Шардинымъ и Полазнинскаго—Поповымъ, изъ коихъ каждый началъ подумывать о томъ, какъ бы замѣстить Ипанова и каждый въ отдѣльности подставлялъ Ипанову ножку. Наконецъ они узнали и другъ друга и тогда каждый слалъ Лазареву доносы не столько па Ипанова, но и на своихъ соперниковъ по ремеслу. Вышелъ полный хаосъ, въ коемъ Лазаревъ не въ состояніи былъ разобраться.

Въ это время кончились расчеты съ казной по доставкѣ монеты, залоги были возвращены и нужда въ деньгахъ миновала. Лазаревъ же получилъ чинъ Д. С. Совѣтника, былъ доволенъ и рѣшилъ бросить все и ѣхать заграницу, но предварительно вызвалъ въ Петербургъ Ипанова, чтобы установить штатъ расходовъ по имѣнію и выработать правила по управленію имѣніемъ. Ипановъ на эту поѣздку

расчитывалъ, какъ на единственный и послѣднiй случай, гдѣ онъ лично могъ выпросить у Лазарева освобожденiя и увольненiя своихъ дѣтей, въ чемъ его поддерживалъ и совѣтникъ Лазарева Кандалинцевъ, который, впрочемъ, писалъ что „по перемѣнчивости взгляда—нужно де выждать благопрiятный моментъ...“

Прожилъ Ипановъ въ Петербургѣ съ января по iюль, составилъ штаты и вернулся домой. Встрѣчаетъ его жена, встрѣчаютъ дѣти, у всѣхъ одинъ вопросъ—уволенъ?..

Нѣтъ!....

Общiй ревъ, общее уныниe.

Не плачь старуха, это не бѣда; получилъ я награду такую, что стоитъ двухъ отпускныхъ—вотъ полюбуйся, и вынувъ изъ чемодана, ставитъ на столъ двѣ фарфоровыхъ чашки; получай и молись Богу за милость Его превосходительства!....

Ипановъ былъ не правъ. Онъ не зналъ еще, что въ бумагахъ на имя правленiя было распоряженiе о болѣе цѣнномъ для него подаркѣ: ему дано было на кафтанъ пять съ половиной аршинъ синяго сукна.

Новые штаты установлены были такимъ образомъ, что во главѣ управленiя было главное правленiе, заправилами котораго поставлены были Шардинъ и Щербаковъ; Ипанову же поручили приказныя дѣла и безъ него же не должны были рѣшать важныхъ дѣлъ. У Лазарева не хватило храбрости вышвырнуть сразу Ипанова; но тотъ зналъ себѣ цѣну и на всѣ вопросы правленiя не отвѣчалъ ни слова, а Лазареву отвѣчалъ,—что онъ достаточно былъ шельмованъ за свои дѣла и раньше, и новыхъ бѣдъ на себя навлекать не желаетъ. На это Лазаревъ отвѣчалъ, что есть де *церковное* и обычное изрѣченiе, а именно: „аще любиши чады, учащай имъ раны“ и второе—„не вниде въ судъ съ рабомъ твоимъ“, а что у него де Лазарева есть много средствъ заставить его дѣлать дѣла.

Дѣло шло врозь и каждый желалъ отличиться. Кара-

ванный прикащикъ Подюковъ, желая отличиться, надбавилъ въ барки при сплавѣ рудъ по Косьвѣ такое количество, что двѣ трети каравана погибло и Лазаревъ приказалъ Подюкова отчесать розгами при членахъ правленія. Въ концѣ Августа 1801 года съ Лазаревымъ случился параличъ и разбитый параличемъ онъ вспомнилъ о Подюковѣ и приказалъ послать нарочнаго отмѣнить распоряженіе о наказаніи его. Затѣмъ второй нарочный летитъ съ приказаніемъ выдать бѣднымъ 1000 рублей. Третій нарочный по словесному приказанію—что дѣти Ипанова выпустятся скоро на волю, за тѣмъ 24 октября смерть, 27 похороны—и карьера кончена.

Иванъ Лазаревичъ Лазаревъ умеръ бездѣтнымъ и все имѣніе по завѣщанію передалъ своему брату Іоакиму Лазаревичу Лазареву, выдѣливъ жену и остальныхъ братьевъ.

Іоакимъ Лазаревичъ, не имѣя знакомствъ, связей и не обладая достаточной энергіей для веденія дѣла, сейчасъ же по вступленіи во владѣніе имѣніемъ, написалъ Ипанову, что ввѣряетъ ему все дѣло и что если де онъ Ипановъ поведетъ дѣло хорошо, то онъ его выпуститъ на волю чрезъ шесть лѣтъ и что покойный его братъ Иванъ Лазаревичъ простилъ ему Ипанову всѣ непріятности и зло, какія наносилъ ему Ипановъ и даже приказалъ выпустить на волю двухъ его сыновей чрезъ годъ послѣ его смерти. Ипановъ благодарилъ, увѣрилъ что былъ и остается преданнымъ слугою, но что въ волѣ по старости лѣтъ не нуждается. Что же касается до службы, то онъ какъ выжатый лимонъ безъ силъ, безъ энергіи, вдобавокъ больной человѣкъ едва ли принесетъ ту пользу, какую могъ бы принести раньше и какую отъ него ожидаютъ. Изъ Петербурга же писали Ипанову, что конторщики, кучера, садовники, прислуга—всѣ получили отпускныя. чѣмъ только травили старика. На эти письма Ипановъ отвѣчалъ: «что и его почтилъ Лазаревъ и «всѣ услуги поставилъ въ вину какъ прихоть его Ипанова, осудилъ и какъ преступника простилъ.... Слезами я

«обливался, получивъ это въ первый день Рождества Христова! Онъ (Лазаревъ) только о наружности судилъ,—а о «внутренности дѣла и не подумалъ: гдѣ было сдѣлано хорошо,—тамъ значитъ такъ и быть должно, а гдѣ худо, «тамъ гнѣвъ да брань, кая осталась на поминѣ его доброй «души за все мое усердіе: обѣщаютъ вольную въ 60 лѣтъ— «тутъ не о вольной думать надо, а о гробѣ и погребальныхъ одеждахъ, нежели о ихъ милостяхъ».

Этимъ я и закончу настоящій очеркъ дѣятельности Лазарева и его управляющаго Ипанова. Іоакимъ Лазаревичъ сдержалъ слово и отпустилъ въ срокъ дѣтей Ипанова (23 января 1803 г.) и самъ Ипановъ получилъ отпускную 3 февраля 1808 г. и вскорѣ по полученіи таковой умеръ (19 іюля 1808 г.) Лазаревъ писалъ по поводу его смерти «мнѣ весьма сожалительно, что въ немъ потерялъ я вѣрнѣйшаго слугу, друга и дѣятельнаго человѣка!»

Отъ семейства Ипанова никого не осталось. Дѣти умерли и лѣтъ чрезъ двадцать обратилась къ Лазареву за помощью жена его пріемнаго сына вдова, которой былъ положенъ за заслуги свекра пенсіонъ въ размѣрѣ одного пуда муки въ мѣсяцъ! Мертвые бо срама не имутъ.

